

Дипломная работа

Василий Панфилов

Василий Сергеевич Панфилов

Дипломная работа

Серия «Россия, которую мы...», книга 7

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67284908

В. С. Панфилов. Дипломная работа:

Аннотация

Жизнь молодого русского государства, складывающаяся там, где не так давно были владения Сесия Родса! Политика и дуэли, опасные приключения, спасение из британской неволи африканских королей и подготовка к новой войне!

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Первая глава	12
Вторая глава	22
Глава третья	32
Четвёртая глава	46
Пятая глава	56
Шестая глава	69
Седьмая глава	78
Восьмая глава	102
Девятая глава	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Василий Панфилов

Дипломная работа

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

– Это решительно невыносимо! – энергически сказала Анна Ивановна, рваными движениями обмахиваясь веером. Полное её лицо, со следами былой привлекательности, преисполнено страдальческим негодованием, а округлые подбородки желеино подрагивают при каждом слове.

– Этот... – она поджала куриной гузкой крашенные кармином подвядшие губы, явственно и очень выразительно сдержав крепкое словцо, – анфан террибль, персонаж дурно пахнущего анекдота, стал настоящей занозой!

Голядева снова поджала губы и этак повела полными, несколько даже заплывшими плечами, что все присутствующие без лишних слов поняли, что заноза эта торчит в филейной части Российской Империи... пусть даже и метафорически!

– Полно, душенька... – нервно прервала её владелица дома, не желая обсуждать человека, ставшего в Российской Империи притчей во языцех и одновременно – персоной нон-грата для людей, блюдущих политическую девственность. Сухое, несколько щучье лицо немолодой хозяйки салона покраснело и пошло белыми пятнами, выдавая решительное нежелание к продолжению разговора.

Одна из немногих, она сохранила, некоторым образом, нейтралитет салона, оставшись крохотным островком, на ко-

тором могли встречаться люди взглядов, равно охранительских и либеральных. Однако же несносная Анна Ивановна, презрев законы гостеприимства, решительно не унималась, зарабатывая себе политический капитал, а хозяйке салона непреходящую головную боль.

– Мальчишка... – выплонула Голядева, и на краснеющем лице её начали проступать капельки пота сквозь крупные поры, – пашенок помоечный! Ну кто в здравом уме поверит, что этот... этот...

Веер закрылся с лёгким стуком, и снова – энергические взмахи, разгоняющие прохладный майский ветерок, залетающий в окна московского особняка. В просторной гостиной... нет, не весь свет Москвы, но люди, некоторым образом влиятельные, и даже причастные... да-с! В чинах, с орденами, при уважении...

... и какая-то Голядева!

Поджав губы, хозяйка салона пообещала себе никогда больше...

... но вечер решительно испорчен. Разговоры стремительным образом политизировались, и гости, хотя и соблюдая некоторым образом разумную осторожность, показывали свою причастность к тому или иному лагерю.

А всего-то – несколько случайных слов и одна несдержанная особа!

– Дамы, господа! – натужно улыбаясь, хозяйка салона попыталась перехватить инициативу, – А давайте поиграем в

фанты!

Нехотя, но спорщики вспомнили-таки об этикете, и обсуждение прервалось, но нет-нет, а мелькало на грани слышимости...

— ...мужицкое государство, Феб Ильич... абсурд! Как есть абсурд!

— ... но кто-то ведь за ним стоит?

Вечер шёл своим чередом, но в веселье собравшихся чувствовалась некоторая натуга. Былые...

... пусть даже не приятели, но люди светские, мастерски избегающие лишней политики, на миг сбросили маски, обнажив самое сокровенное, и чувствуя себя потому...

... решительно неловко.

Неловкость эта, с тонким запахом подгорающего на костре таза с вареньем, пропитывала потихонечку просторную гостиную, окутывая собравшихся сладковатым дымком и принося понимание...

... так, как раньше, уже не будет. Былая непринужденность ушла прошлое, как далёкие дни беззаботного детства, о котором вспоминается хотя и ностальгически, но и с оттенком неловкости. Прошлое не вернуть...

* * *

Едва май перевалил за половину, походным маршем потянулись в Красное Село кавалерийские полки. Горела на

солнце начищенная медь, играли трубачи, и обыватели, шурясь, провожали глазами молодцеватых вояк.

– Экие молодцы! – крикали деды, а молодки стыдливо опускали глаза, встречаясь с охальными взглядами бравых вояк...

... так было раньше. В 1901 году на гвардию часто смотрели иначе, хмуро и неприветливо, а иногда и...

... будто через прицел.

Сделав привал возле Ульяновки, конная гвардия поселилась вдоль высокого берега Дудергофки, в районе Павловской слободы, поближе к Петербургу. Несколько дней на обустройство, и на Военном поле начались традиционные учения.

Тысячи, а иногда и десятки тысяч солдат одновременно, конных и пеших, совершали на поле сложные перестроения под неизменную музыку полковых оркестров. Порой полки сближались, и звуки полковых маршей, смешиваясь, давали ужасную какофонию, никого, впрочем, не смущающую.

Бесконечные марши, парады, вытягивающиеся в бесконечную нить шеренги войск, и геометрически правильные построения. Движения, доведённые до полного автоматизма, с самыми пристальным и пристрастным вниманием к внешней стороне военного дела.

Десятилетиями отрабатываются одни и те же перестроения, эволюции и атаки. Считается, что это развивает у офицеров дисциплину, внимание и глазомер, а инициатива и са-

мостоятельность должна проявляться только после соответствующего о том приказа.

Тренировки в стрельбе как из артиллерийских орудий, так и стрелкового оружия, проходят отдельно и столь же формально. Пехоты стреляет залпами, и более всего ценятся не меткие попадания, а единовременность. Конная артиллерия лихо выезжает на передний край, на виду у назначенного "неприятеля", становясь не просто на открытые позиции, но и на гребни пригорков.

В завершении военной учёбы провели большие корпусные маневры с участием всей гвардейской кавалерии. Покинув Красносельский лагерь с наивозможно бравым видом, гвардия, согласно легенде, отправилась отражать нападение гипотетического неприятеля со стороны Нарвы.

За корпусными маневрами последовал смотр, затем итоговый маневр на Военном поле, а после кавалерийские полки прошли галопом по полю, преодолевая специально выстроенные препятствия.

Гвоздь парада – атака кавалерии. По приказу императора, конвойные трубачи сыграли сигнал "карьер", и вся бывшая на поле конница, возглавляемая Великим Князем Николаем Николаевичем, галопом понеслась на Николая Второго и Вильгельма. Картина жуткая и величественная...

Остановившись в нескольких шагах от императоров, Николай Николаевич скомандовал "Стой! Равняйся!"

... и вся масса конницы остановилась в один миг.

Николай Николаевич повернулся к ней лицом, и скомандовал зычно:

– "Палаши, шашки, сабли вон, пики в руку, слушай!"
Блеснули на солнце палаши, шашки и сабли. "Господа офицеры!" снова раздался голос Николая Николаевича.

Офицеры опустили оружие, отдавая честь, а трубачи заиграли Гвардейский поход.

Великий Князь повернулся, с опущенной шашкой, лицом к императорам...

... Николай Николаевич пил одну рюмку за другой, не пьянея и только темнея лицом да страшно скрежеща зубами.

Б-дзынь! Разлетелась рюмка хрустальной шрапнелью, а невозмутимый служитель офицерского собрания Преображенского полка и глазом не моргнул, новую на серебряном подносе протягивает. Запотевшую, налитую аккурат в плепорцию...

... и снова... Б-дзынь! И рука в кулак сжимается – добела, до хруста костей, будто смыкаясь на вражьем горле!

– Не хуже... – заходясь от ненависти, задохнулся словами Великий Князь, втянув воздух со всхлипом и невидящими глазами глядя в пустоту, – не хуже Первого Сарматского... только опыта не достаёт! Мы!

– Кай-зер... – прошипел он змеёй и рванул воротник, наливаясь кровью...

– ... а ведь с этим надо что-то делать, господа, – мертвенным голосом сказал один из офицеров, – все эти мизерабли¹, взлетевшие наверх посредством Нечистого, порочат саму...

Запнувшись, он потерял мысль, да так и не нашёл. Однако же в гвардии с того дня глухой ропот на всё это мужичьё сменился невнятной пока, но злой и жестокой решимостью. Потому что...

... ну в самом деле, господа! Невозможно терпеть!

¹ Мизерабль – так называют ничтожного и жалкого негодяя, который всем своим видом вызывает одновременно жалость и омерзение.

Первая глава

Вынырнув, я ухватился левой рукой за просмоленный борт баркаса, проведя правой по волосам и лицу, стряхивая стекающую солёную влагу.

– Да погодь, – отмахиваюсь от Саньки с его непрошенным помоганием, – ишшо поныряю. Так тока... передых небольшой.

– Эк тебя разобрало, – хмыкнул брат, свешиваясь с развалистого низкого борта над морской зыбью и разглядывая ползающих по дну членистоногих тварей.

Не отвечая ему, потянулся всем телом, и не отцепляясь от борта, вытянулся стрункой на поверхности воды. В голове нет никаких мыслей, даже и самых ленивых. Только безмятежный покой, счастье и смутные образы чего-то неведомого, но очень и очень хорошего. Отпуск!

Вырвались из-под Парижа всего-то на несколько дней, и Божечки... какое же это счастье! Никто не дудит в уши, не требуется ничего срочно решать, думать, планировать, отвечать...

Всё-таки рановато я на самые верха влез, ноша не для неокрепшего хребта! Но вышло как вышло, чего уж теперича...

Прогнав ненужные мысли, снова ныряю и скольжу под водой, пока в груди не заканчивается воздух. А потом ещё и

ещё... с неизбывным восторгом наблюдая за бытием жителей морского дна.

– Ф-фу! – отфыркиваясь, вынырнув в десятке сажен от баркаса, отдыхаюсь малость и воплю пронзительно:

– Айдайте в пятнашки!

Короткая заминка, и Санька, скинув белую просоленную рубаху, шумно сиганул в воду, а за ним Томá, Илья с Адамусем и Корнелиус.

И где тот мальчишка, что сцался от самой близости большой воды?! Скажешь кому, так не поверят даже и те, учильщики херовы! Вон, чисто дельфин голожопый, будто и родился на море, с жабрами притом. Этьен марселец, а и то... кракозябра инвалидная по сравнению с Санькой!

Наплававшись до одури, нахлебавшись солёной воды чуть ли даже и не через задницу, влезли наконец на баркас, не обращая внимания на ухмылочки капитана. А и то! Обращать на каждого внимание, да объяснялки объяснять... языка и терпёжу не хватит!

Отпуск у нас! Небось если бы сам провёл этак с полгодика, почахнув над бумагами, да с нашей ответственностью, так... а, да что там говорить! Пусть хоть обухмыляется, морда небритая.

– Рубаху натяни, – забубнил Санька заботливо, тут же запутавшись в вороте, – не то облезешь, – я вот уже малость подгорел.

– Агась... – накидываю просторную одёжку сильно навыв-

рост и растягиваюсь под полотном, натянутым над баркасом. В Марселе уже лето, несмотря на весну по календарю, а денёк... чудо!

Водичка ещё не так, чтобы и вовсе уж тёплая, ну так нам, северянам, самое то! Не жарко ещё, ветра почти нет, и солнечные зайчики прыгают на морской зыби, играясь в классики.

Томá сидит рядышком, с видом настолько самодовольным, что хочется сделать что-нибудь пакостное...

... но лень. Да и пусть! Вытащил нас марселец в родной город, и пусть... пусть в первую голову для своих целей! С роднёй там повидаться, перед друзьями и недругами детскими похвастаться... что ж плохого-то?

Я вот перерос гармошку да сапоги лаковые, ан нет-нет, да и мелькнёт иногда что-то этакое... смутное. Сам толком не понимаю, но вот ей-ей – жалко малясь, что так и не прошёл-ся!

И вижу ведь, что куда как больше достиг... ан нет, не то! Школа, помощь землякам с переездом, это всё да, а вот сапог и гармошки, да вовремя – не было! Не то чтобы и грызёт, но чешется порой, н-да...

Отлежавшись, без особой охоты надулись водой. Оно вроде как и не сильно хотца, но по Одессе знаю уже, что – надо! Удара солнечного, может и не будет, а тошнотики лёгкие – запросто.

Потом прямо на судне ели молодой сыр со свежим хлебом и копчёной рыбой, да с лучком, чесночком и разбавленным вином прошлого урожая. Лепота!

Разнежившись и набив брюхо до выпяченного барабана, я с сонной ленью смотрел, как Адамусь с Корнелиусом делят забортный ящик со стеклянным дном, наблюдая за морскими гадами. Стоим на мелководье, вода чистая, и так вот, когда не мешает рябь и солнечные блики, видно очень хорошо! Естествоиспытатели, ети...

Томá наблюдал за ними снисходительно, ровно как они за гадами, и выбрав момент, когда Адамусь с Корнелиусом перестали наконец пхаться, вытащил дыхательный аппарат Флюсса² с видом доброго волшебника.

– Ети... – выдохнул Адамусь восхищённо, разом ухватив суть как опытный механик и человек, помотавший по свету, – ну-ка...

– Погодь! – осадил его Санька, – Руки! Руки, кому я сказал! дай человеку объяснить, куда поперёк лезешь!

– А... ну да, – Ивашкевич, хмыкнув смущённо, даже убрал руки за спину, заалев ушами.

Томá, как и полагается человеку, некоторым образом причастному к великому Племени Инженеров, подробно объяснил – что, как... и чего – ну ни в коем случае!

– Ага, ага... – кивал Адамусь, сглатывая и косясь на нас

² В 1878 Генри Флюсс изобрёл первый удачный (сравнительно) подводный аппарат с замкнутой системой дыхания.

с такой мольбой, что... да пусть его! Успеем ещё напробо-
ваться.

Несмотря на все свои хотения и порывы, литвин понимает за технику безопасности, плавая только возле баркаса и так, чтоб если вдруг что, так и сразу! Мы с не меньшим интересом наблюдаем за его лягушачьими дрыганьями, живо и со смухуёчками обсуждая оные. Даже и капитан, презрев свои фанаберии, устроился, как бы невзначай, на перекур с того самого – нужного борта, косясь одним глазом в воду.

Наконец, покосившись нетерпеливо на вытщенные часы, Санька постучал по железному котлу, зачем-то опустив его край в море. Вид нарочито деловитый, то бишь человек не просто торопит, желая поиграть в свою очередь, а сугубо по делу и вообще... переживает! Ибо, а вдруг?

– Ох ты ж Боже... – только и сказал Адамусь, будучи вы-
тщенным на баркас, – там так...

Он всё разводил руками и пучил глаза, пытаясь выразить невыразимое, но мы – поняли! Капитан, какой-то там очень дальний и не прямой родич Тома, и то весь задумался, пы-
таясь, наверное, переложить в заскорузлой голове пользу от этой игрушки сугубо для себя.

Я, как и положено командиру в таком развлекательном де-
ле, нырял самый последний. Слыша своё сиплое дыхание, скользил под водой, дыша невкусным воздухом, и как-то всё было...

... неправильно.

– Здорово! – не совсем искренне сказал Этьену, снимая маску, но в голове уже крутилось... всякое. Не знаю пока, как именно, но точно знаю – можно лучше!

Не было единения со стихией, как в воздухе, и вообще – сильно не факт, что в прошлой жизни я как-то причащался моря и...

"– Дайвинга"

Ага, его самого! Но всё равно, в голове начало вертеться изобретательство. Видимость плохая, и вообще...

... как то интересно это совмещается – морская авиация, которой пока нет, с аппаратами для подводного дыхания, которые как бы тоже... Хм, не знаю пока, как именно, но на всякий случай...

... сделаю вид совершенно незаинтересованный! Вот чует моя чуйка, что здесь должна быть секретность больше меня самого!

Вечером, сидя под навесом, болтали о всяком и никогда о работе, косясь одним глазом на рыбаков, взявшихся творить для нас настоящий марсельский буйабес. Тот-кто-внутри кивает одобрительно, видя костистую рыбку рассказ, необходимую для навару, морских коньков, крылатку-зебру и прочие аутентичные компоненты, без обману!

Пахнет всё сильнее и вкусней... и вот уже один из рыбаков застучал по котлу, созывая на обед. Ели все вместе, не слишком соблюдая этикет, перешучиваясь и причавкивая.

Как раньше... как когда-то в Одессе, с поправкой на колорит. Если не знать, что простых людей среди них...

... нет.

Вон тот босоногий сивоусый усач, подмигивающий и травящий сальные анекдоты – один из заместителей мэра, а упитанный крепыш "Папаша Жюно" – известный (но хрен докажете!) контрабандист. Но...

... никаких разговоров о делах! Хоть так...

* * *

– Не знаю, што и делать, – делился проблемами Матвеев, прибывший в Ле-Бурже сразу после нашего прилёта из Марселя, – хучь плачь! Оглоблей скоро офицерье гонять буду, ей-ей!

– Да вон... – командер мотнул головой, – хоть у Анатолия спроси! Уж на што человек выдержанный, а и то звереть начал.

– Евграф Ильич несколько утрирует ситуацию, – блеснул пенсне Луначарский, – но ситуация и правда нездоровая. Право слово, какая-то дурная самодеятельная театральщина! Оторопь берёт иногда, настолько всё странно и...

– Мстюны! – прикусив пустую трубку, рывкнул Матвеев, перебивая моего помощника, – А што?! Так и есть! Разобиделись вон... на всё, по их мнению плохое и етот... как там бишь?

– Крестовый поход, – подсказал Толик.

– А... он самый! – благодарно кивнул военный атташе, – Ходют и ходют... тьфу! И главное, ета... самодеятельность! Перемякнуло што-то в головёнках, набриолиненных на прямой прибор, так што я даже и просчитать не возьмусь, как и когда оно выстрелит.

– Выстрелит, это не так уж и... – начал было я, прикидывая ситуацию.

– Образно! – рявкнул командер, – Этих, с голубыми кровями, будто под хвостом наскипидарили! Глаза выпученные и вою много, а што, как, где...

Матвеев раздражённо пожал плечами и крепче вцепился зубами в изрядно погрызенный мундштук.

– Ага... – сказал я озадаченно, переглядываясь с Санькой, – То есть хоть стрельба, хоть провокация, а хоть бы... вообще что угодно?

– Угу, – промычал командер.

– Русские кантоны и иже с ними, как образ врага, – пояснил спокойно Анатолий, – это уже идеология. Ещё не государственная, но поощряемая властями. А Егор де-факто – Враг Номер Один.

– Ебическая сила, – выдохнул Санька.

– Эпическая? – вопросительно поправил Луначарский, не тая улыбку. Признавая таланты Чижа, он всё тщится сделать из него человека интеллигентного...

... но это же Санька! Мне даже интересно, кто там кого

в этой битве интеллигентской придури и деревенского невежества переборет. Брат не дурак, но иногда баранится просто потому шта!

– Не... – мотанул головой брат, – ебическая!

– Во-во! – кивнул командер, – Выдрать с корнем эту заразу, ликвидировав ково-то одново, хер выйдет!

– А может... – Санька замер сусликом, не сразу отмерев, – не будем резать хвост по частям, а?!

Видя наше непонимание, он зачистил:

– Навстречу ударим! Егор, ты сам ведь говорил, что Париж в настоящее время исчерпал себе, а?! Если уж лезут сами, то может, сыграем мал-мала в поддавки, и прогнёмся там и тогда, где нам и надо?

– Ага... – подскочив, я зашагал по кабинету, – то бишь играем в поддавки так, что меня как бы выпихивают из Парижа... или вообще в глушь?

– В глушь, – закивал Матвеев, знакомый с моими планами и хотелками, – но формально! Как его... шtbody все понимали, что если формально ты где-то што-то... то виноват и не ты, а эти... голубых кровей. Обидочка шtbody у добрых французов осталась, на недобрых царёвых выкормышей. А к тебе – полное сочувствие и понимание.

– А потянем? – интересуюсь у военного атташе.

– Угум, – сжав трубку, он кивает болванчиком, – легко! Они же дуриком... не так, шtbody агенты или што, а так... вавка в голове и высокие идеалы Самодержавия и крепост-

ничества. Сколько их, белой кости, в Париже? Не одна тыща, так?

– Поболее десяти, – отвечаю уверенно, – и это если совсем белой. С разночинцами так и за двадцать будет, мне кажется.

– Неужто из этих тыщ нужных нам дуриков не подберём?! – вдохновляется моими словами командер.

– Недооценка противника... – начал занудно Анатолий.

– Оцениваем мы их как должно, – отмахнулся Матвеев, – не бойсь! Страховка с подстраховкой и планы на все случаи составим! Мы ж Егора не как живца, а как бы! Чем ждуть и терпеть, подготовим несколько этих... сценариев, и по надобности и сыграем, а?!

Вторая глава

– Акцентик... – вздохнул Санька, полужидкой медузой сползая с дивана и раскидываясь прямо на полу просторной гостиной в нашей парижской квартире, – вот же ж! Проще никак?

– Не... – вздоху моему позавидует иная корова, – нам ведь не полемику надо в газетах разворачивать, а для особо мнительных зацепочки психологические выстроить. Такие типы нужны, што сами себя накручивают, и в строчках газетных, даже и самых невинных, двойное дно нороят увидеть.

– А может, ну его? – заныл брат, повернувшись набок и оперевшись на локоть, – Попроще никак?

– Не тот случай, Сань, – пригорюнившись, отзываюсь с дивана, на котором устроился с ногами, – Ты ж знаешь, что я не сторонник излишне закрученных шахматных комбинаций в жизни...

Брат явственно хмыкнул, но смолчал.

– ...но тут – надо! Мы ж хотим на лучших чувствах французов сыграть, а здесь тонко работать придётся.

– А надо ли? – перебил меня Адамусь, подобравшись в огромном кресле, – Остроумные комбинации парижане любят!

– Так-то да, – соглашаюсь с ним, поставив на подлокотник огромную кружку какао и смахивая крошки от печенья

с губ, – но есть подвох! А ну как почувствуют себя одуроченными и оскорблёнными? Тут же не сколько остроумие, сколько игра на лучших чувствах французов. И противник у нас тоже непростой.

– Да уж, – уныло протянул Чиж, снова раскинувшись крестом на полу и глядя в высокий потолок с лепниной, – своя эта великокняжеская, да камарилья придворная! Париж чуть не пригородом Петербурга мнят!

– А я о чём?! – дёргаю плечом, – Дворцы, дома, знакомства за десятки лет... понимать надо!

– Так... – задумался Адамусь, – а если заметки из Африки зачистить в газеты? И там уже – акцентики!

– На сословиях, а?! – филином зауhal Илья, оторвавшись таскания конфет из вазы вперемешку с шумным сёрбаньем кофия, – Дескать, такой-то почтенный член Фолксраада сделал што-то там... не суть важно! С приписочкой, что он – бывший крестьянин из села Голозадово-Голодаевка, к примеру. А ныне... ну, бал даёт благотворительный. Можно даже и приврать чутка, ради красного словца!

– Да и врать не придётся, – тихохонько засмеялся Санька, – потому как когда мужик устраивает посиделки для соседей, это просто посиделки. А если тот же мужик в миллионщики выбился, или в члены Фолксраада, то уже – приём!

– Идея! – признал я, делая пометку и расписывая подробности, предлагаемые возбуждёнными парнями.

– Улыбочки! – оттолкнувшись спиной, Санька вскочил на

ноги и закружился в пируэте, награждая воздух размашистыми ударами пяток.

– Противненькие! – остановившись, он отобрал у Ильи развёрнутую конфету, и сунув её за щеку, ткнул в меня пальцем, – Как ты умеешь!

– Я?!

– Могёшь, – весомо подтвердил Илья, снова зарывшись в вазу, где навалом лежало с десятков видов конфет.

– Ты, ты! – закивал Адамусь, – Не замечал? На заводе улыбочек твоих пуще выговоров боятся! Ну-кась, представь, что ты того молодого, как его...

– Жерома, – подсказал Санька, шурша фантиком наперегонки с Ильёй.

– Во, его! – закивал Ивашкевич, – Да не мне! Перед зеркалом!

Послушно встав перед трюмо, старательно представил, что стою перед молодым и самонадеянным парнем, и...

– ... в морду хочется сунуть, – констатирую удивлённо, – себе же, а?! Думаешь, стоит растиражировать?

– Ещё как! – убеждённо отозвался брат, – Ты только представь, если нужному человеку, да в нужном месте! До мурашек пробирает! Если уже наскипдарены, то и сунутся к тебе со скандалом – на раз-два.

– Так улыбаться надобно, чтобы никто не видел, – педантично уточнил литвин, – помимо него, разумеется!

– Ну, не знаю... – я потёр губы, будто снимая ухмылоч-

ку, – тут же, ети, талант нужён!

– Гадостную такую, эт да, – засмеялся Военгский, – но если посольские и те, ково знают за наших людей, начнут улыбаться при встречах с ненашими? А! Здесь, кстати, анекдотцев можно серию пустить, попошлее, оно тогда улыбочка сама и будет лезть.

– Есть такое... – чуть задумавшись, припоминаю папочку с мелкими гнусностями имперских посольских, лежащую у Матвеева. По мелочи: грехи содомские, выходки пьяные и такое всё... не поощряемое обществом, да попротивней чтоб. Ну и анекдотцами разбавить, да! С карикатурами.

Не я нарушил наше негласное перемирие, и если власти Российской Империи не могут одёрнуть зарвавшихся подданных, а напротив, гласно и негласно поощряют к гадостям, то...

... идей у меня много. Особенно почему-то к слову "Самодержец" похабщины весёлой много в голову лезет.

– Через Жан-Жака можно подойти, – предложил брат, – тесть его... ну, пусть будущий! Он же в издательском деле человек не последний? Воот...

– Подойти-то можно и без Жан-Жака, – возражаю я, – Весь смысл в том, чтобы это была не наша интрига, а пляска на граблях этих... из монархической камарильи.

– А если утечку? Ну... чево-нибудь! – прочавкал брат.

– Жопа слипнется! – прикрикнул я на него, – Хорош конфеты жрать, в самом деле! Как сухарики грызёшь, пра-

во-слово! Што за утечка-то?

– Да подумал... последняя, не смотри так! Подумал, што вокруг нас репортёры выются, да в друзья набиваются, так? Не нас конкретно, а вообще, – помахал рукой с зажатым фантиком Санька, – так почему бы и не слить? Как бы невзначай.

– Идея, – признал я, – конкретика есть у ково?

– Так-так-так... – вытянулся сусликом литвин, подскочив с кресла, – Жопошничество!

– Чево, блять?! – вылупился я ошарашенно на Ивашкевича.

– Жопошничество, – ухмыляясь до треснутых губ, подтвердил Адамусь, – согласно британским традициям!

– Ещё раз, – попросил его, не уловив идеи, – только теперь с пояснениями. Традиции британских школ знаю, переведи теперь на язык родных осин!

– Так вы... – с видом полного превосходства поглядел на нас Адамусь, принимая наполеоновскую позу, – о Пажеском корпусе какие слухи ходят?

– А-а... – хлопаю себя по лбу.

– Бэ! – передразнил он, – Я и говорю – жопошничество! Чуть ли не обряд посвящения при поступлении через порванную сраку устраивают.

– Ну... – начал неуверенно я, – это уже, думаю, вряд ли...

– Я тоже так думаю, – перебил меня литвин, – но ведь есть? Есть разговоры? Пажеский корпус, как рассадник... и далее, вплоть до Преображенского полка.

– А! Понял! Кропоткин как раз в своих "Записках революционера" недавно писал, – я закрыл глаза и начал цитировать по памяти:

"– В силу этого камер-пажи делали все, что хотели. Всего лишь за год до моего поступления в корпус любимая игра их заключалась в том, что они собирали ночью новичков в одну комнату и гоняли их в ночных сорочках по кругу, как лошадей в цирке. Одни камер-пажи стояли в кругу, другие – вне его и гуттаперчевыми хлыстами беспощадно стегали мальчиков. «Цирк» обыкновенно заканчивался отвратительной оргией на восточный лад..."

– Считается, – усмехаюсь, – что нравы Пажеского корпуса с тех времён претерпели некоторые изменения в сторону большей нравственности, но если что изменилось, то явно не слишком.

– Г-гвардия! – мотанул головой Санька – по-видимому, слишком живо представив себе услышанное. Ну да, не всегда воображение художника во благо! Сам, хм... такой же.

– Гвардия и МИД, – уточнил Адамусь, – ну и придворная служба, разумеется.

– Кто там ещё... – щёлкаю пальцами, брезгуя произносить вслух некоторые слова.

– Жопошники? – зачем-то уточнил литвин, – Так... дай Бог памяти... за Пажеский корпус могу ручаться, императорское училище правоведенья – слышал, но уточнить надо. Ну и так, отдельные... вплоть до гимназий.

– В прессе даже процесс освещали, – пожал плечами Адамусь, видя моё недоумение, – в... 1883, кажется. Я тогда мальчишкой совсем был, и как раз читать учился – всё, што с буктовками попадалось, тащил. Ну и... запомнилось. Я, хм... у батюшки спросил непонятное. Н-да...

– Директор гимназии учеников развращал, не абы кто! – продолжил он, – Бычков, кажется... а вот в каком городе, запамятовал уже.

– Я, когда на Балтийском работал, в эти дела жапошнические не вникал, – раздумчиво начал Военгский, – но и то. Кажись, на Пассаже собирались любители глину месить. Эти, как их... а, точно! "Тётки"! С утра кадеты и прочие воспитанники задницами крутили, а вечером солдаты и мальчишки-подмастерья. На все, значица, вкусы. Тфу ты...

Сплюнув в сердцах ничуть не фигурально, он смущённо затёр плевков на паркете и закрестился быстро, бормоча слова молитвы.

– Я тут подумал, – подал голос брат, – а выйдет ли? Французы-то тоже... тово! В открытую!

– Выйдет! – отвечаю уверенно, как человек, размышлявший над проблемой, – Соль в том, што французское общество в целом относится к педерастам лояльно, а в России – только верхушка! Понимаешь?

– Ещё одна линия для раскола общества? – сообразил Санька.

– Угум. В крестьянской общине это тоже есть. Да есть,

есть! – усмехаюсь кривовато, – Сам не сталкивался, но... в общем, глаза и уши у меня имеются – другое дело, что по соплячеству многого просто не понимал. Есть, но отношение сильно другое, и если вытащить эти гадости со дна, да с учётом доминирования староверов в Кантонах, то – сам понимаешь!

– С учётом французских нравов – как по канату пройти, – протянул Адамусь с сомнением, – как бы парижские педерасты за петербургских не вступились!

– Кажется только! – не соглашаюсь я с ним, – Есть ряд маркеров социальных и психологических, от которых можно отталкиваться. Я, хм... насмотрелся на представителей французской богемы, уверенно могу говорить.

– Если уверен – берись, – пожал плечами Адамусь, переглянувшись с Ильёй, – я... мы пас.

– Пас? Ладно, – соглашаюсь неохотно, – возьму это направление на себя – благо, не основное, а так... в общей канве.

С силой провожу руками по лицу, будто стряхивая липкую паутину, и снова открываю тетрадочку.

– Итак... газеты с африканским житиём, жопошничество, улыбочки... што ещё предложить можете, господа заговорщики?

– По дворянству пройти, – прищурился Илья, – скока их там в Империи Российской? Один процент населения? И прав – выше головы, а вот обязанностей-то и нетути!

– С дворянством сомнительно, – заспорил Адамусь, – во Франции позиции аристократии сильны, в Германии тем па-че.

– Сравнил! – вздыбился помор, – В Германии чуть не каж-дый десятый, и привилегий у них, если титульную знать не считать – шиш да не шиша! Конкуренция идёт и меж собой – ого какая, да с с обычными горожанами и богатыми кре-стьянами!

– А, в таком контексте! – закивал Ивашкевич, – Понял! Пройтись по правам дворянства российского, да по их ни-чтожному количеству, так получится, что в жопку их пхают, и если не вовсе уж дурнем родился, то непременно на тёплое местечко пристроят.

– Да! Внутривидовая конкуренция фактически отсутству-ет, и значит што? – Илья замолк, обводя нас глазами, – Вы-рождение!

– Не вовсе уж, – возразил я, – да и приток свежей крови есть.

– А! – отмахнулся помор, – Несущественно! В общем и в целом есть возражения по сказанному?

– Хм, а и нет, – пожав плечами, записываю в тетрабочку, – Ещё идеи есть?

– Так... вертится што-то, – неуверенно сказал Санька, а Адамусь с Ильей только покачали головами.

– Ну, хватит пока... – закрываю тетрадь, – Так што, гос-пода хорошие, начинаем операцию "Вброс говна на венти-

лятор!"

Глава третья

Нежно зашелестела гроздь крохотных колокольчиков на поросших выюнком ажурных воротах из чугуна каслинского литья, и по каменным плитам тенистой дорожки застучали каблучки.

– И раз-два-три... – вполголоса напевала девушка, почти девочка, кружась в вальсе с невидимым партнёром, мечтательно полуприкрыв большие миндалевидные глаза. Подол её лёгкого платья вился вокруг точёных ножек бежевой выюгой, и...

– Рахиль? – Песса Израилевна, несколько встрёпанная, выглянула из укрытой кустами беседки, поправляя корсаж лёгкого муслинового платья.

– Ой... – танец прервался, и обворожительная танцовщица, споткнувшись и едва не упав, как по волшебству превратилась в милую, но не слишком-то красивую и очень застенчивую девочку.

– А я тут... – сказала она, и покраснела так отчаянно, как могут краснеть только девочки-подростки в период пубертата.

– Да я тоже... мы, – поправилась женщина, очень выразительно покосившись вглубь тенистой беседки.

– Ой! – взвизгнула она кокетливо и интересно задышала, поглядывая назад с видом глубоко заинтересованным и ро-

мантическим, – Семэн Васильевич вон приехал, в гости зашёл. Ты иди, иди...

Рахиль покраснела ещё сильнее, на што Песса Израилевна закатила глаза...

... как только убедилась, што девочка развернулась в нужном направлении, и уже не смотрит, куда ей не очень надо! И не то што ей сильно жалко на поглядеть своего интересного мушцину, но девочка ж стесняется! Она, Песса, и сама за целомудрие до свадьбы в разумных пределах, но не настолько же, штоб так краснеть за прозу жизни?!

Покачав сокрушённо головой, Песса Израилевна выбросила из неё до времени всё, всех, и их застенчивые проблемы, вернувшись к более интересной прозе, которая у неё – сплошная поэзия! Семэн Васильевич не был в Дурбане почти месяц, и потому у ней намечается если не вся "Илиада", то явно и не четверостишие!

– Доча, – поздно вечером женщина поскреблась тихонечко в дверь спальни, выжидая ответа. У девочки уже возраст, и если слишком да, то может выйти пикантный интерес нездорового характера!

– Ма-ам? Заходи!

Выждав ещё чуть, Песса зашла, и сев на банкетку у кровати, завздыхала, стараясь не слишком шарить глазами по дочиной спальне. Получалось так себе, потому што есть привычка через одесское общежитие, когда за соседями глаз да

глаз просто превентивно! И если ты нет, то они, сволочи, точно да, и кому тогда нужен доктор?!

– Я таки понимаю за проблемы? – выгнула Эсфирь тонкую бровь, взявшая за привычку разговаривать с мамеле на одесском, потому как Родина и ностальгия, – Ты мне только скажи – они пришли за нас или постучались до постороннего человека, на которого немножечко тьфу?

– Фира, доча... – Песса Израилевна прижала руки к полной груди, – ты бы поговорила с Рахилью?!

– А... вы играли таки в Дафниса и Хлою³ с Семэном Васильевичем?! – иронично поинтересовалась девочка, облокотившись на подушки, – Я не против за ваши игры на свежем воздухе, но можно выбирать не только место, но и время!

Вопреки небрежным словам, ушки девочки полыхнули ало, выдавая смущение.

– Да это... – женщина небрежно отмахнулась, не желая даже думать за разные глупости. Если кто хочет стесняться не за себе, а за почти посторонних людей, то кто она такая, штобы мешать думать глупости? Может, им так жить интересней, через стеснение и пикантность на каждый шорох в кустах!

– А тогда в чём дело? – удивилась Фира, высунув маленькую ступню из-под подола длинной ночнушки тончайшего льна, – Если ты хочишь сказать за её стеснительность и ще-

³ Буколический античный роман любовно-эротического жанра с пастухом и пастушкой.

петильность, то я уже говорила много раз, и всё мимо! Вбила себе в голову за срочное получение профессии и съезжание на вольные хлеба к чужим людям, и шо ты хо ти шь думать? Она упёрлась!

– Золото, а не ребёнок, – закивала Песса Израилевна важно, – да не смотри ты так! Я таки не думаю, шо она нас объест, обопьёт и обоспит! Как по мне, так это немножечко глупо, но кто я такая? Всево лишь хозяйка дома, в котором её приютили и готовы ютить ещё, потому как теперь есть на што есть!

– Мам! – возмутилась девочка честной искренности с налётом одесского цинизма.

– Не мамкай! Имею право на мнение, и вообще... это так глупо, што даже мило, но зато... – женщина назидательно подняла палец, – Ты и мы можем быть уверены, шо она тебе настоящая хорошая подруга, а не просто так за большие деньги и по привычке! Сейчас тебе это кажется смешно через хиханьки, но лет через двадцать ты мне поймёшь и вспомнишь со спасибом за мудрость и большую правоту!

– Так в чём дело-то? – поторопила Эсфирь мамеле, зная за её способность вести долгие и вкусные беседы, особенно если ей не надо просыпаться рано утром для гимназии или иных дел!

– Мне кажется, – Песса Израилевна заговорщицки перешла на шёпот, но тише почему-то не получилось, – шо наша Рахиль влюбилась! Да-да, доча! Я знаю за Рахиль с пелёнок

и даже немножечко раньше, так што моё понимание здесь может быть первее её, и даже сильно первее!

– Ой... – Фира восторженно прижала ладошки к загоревшимся щекам, – как здорово! Рахиль моя лучшая...

– Доча! – перебила её мать, закатив глаза и выразительно сделав руками, – Пока мы не увидим в кого она да, мы не можем говорить за нашу радость, ты мне понимаешь? Одно дело – правильный еврейский юноша любого происхождения. Немножечко совсем другое – какой-нибудь поц со странными планами и чужими идеями, даже если он и аидиш голубых кровей! Теперь ты мне да?

– Ой... – отозвалась Фира, – Рахиль, она же...

– Да! – поставила точку мать, – И я таки хочу ей немножечко женского счастья с обладателем интересного состояния.

– Мам! – возмутилась девочка, привстав на кровати, – Деньги не главное, живут ведь не с капиталами, а с человеком!

– Ша! Деньги не главное, когда они да, и к красивому капиталу прилагается приятный характер с человеческими качествами! А если у жениха в голове сплошное прекраснотушие, а по жизни он шлемазл? Фира! Ты вспомни за отца Рахили, не к ночи будь помянут! Тоже ведь кладезь прекраснотушия в свою пользу! А потом оц-тоц перевертоц, и такой сибе вышел поц!

– Это другое, – надулась девочка, и многомудрая мать не

стала спорить, переведя разговор с абстрактного вообще на конкретные частности.

– Ребёнок из кожи вон лезет, хотя выучиться на модистку как можно быстрее и лучше, и из всех развлечений у неё только занятия танцами через раз! Но тебе и мамзель Боннет нельзя назвать сердешным интересом, или я чево-то не знаю?

Песса Израилевна с прищуром уставилась на смеющуюся дочу, у которой сама мысль, шо она, и с девочкой... Ну мамеле даёт жару! Немножечко таких предположений, и можно будет выступать с комическими куплетами!

– Ну и ладно, ну и хорошо... – закивала женщина, – ты не думай, если вдруг и да, то это бывает...

Эсфирь засмеялась вовсе уж в голос, и Песса Израилевна выдохнула облегчённо. Она не то штобы и ханжа, но немножечко спокойней за дочку, когда та не виляет по жизни и судьбе, а идёт к своему счастью, как паровоз на всех парах по проложенным где надо рельсам!

Отсмеявшись, Фира развернулась на живот, положив ступни на подушки и подперев подбородок руками.

– Где бы она могла влюбиться, а? – задала девочка вопрос, глядя на мать, – Из ателье домой, из дома в ателье, и разве што синагога в шаббат, да иногда удаётся её прогуливать через кафе и парк, и совсем уж редко – к Гиляровским!

– Ой, доча... – отмахнулась женщина, мечтательно вспоминая што-то своё, – в вашем-то возрасте! Как там... при-

шла пора, она влюбилась⁴! Кто-то не слишком старый, встреченный случайно на улице, улыбнулся любезно, и вот она себе навоображала! А если этот кто-то шаромыжник, авантюрист и вообще поц, который бросит потом Рахиль в интересном положении и с растерзанной моралью? Или ещё для нас хуже, если он через неё, и до нас! Скажешь, не может быть да?!

– Расследование! – выдохнула Фира восторженно, соскучившаяся немножко по приключениям.

– Да? И как ты себе это представляешь? – Песса Израилевна сделала большие скептические глаза и немножко помогла скепсису руками, – Девочка будит идти по улице, а мы с тобой красться сзади с продырявленными для зрения газетами у лица?

– Надо будет записать! – отсмеявшись, сказала Фира, – Для Егора! Он говорил когда-то, шо хочет организовать небольшую киностудию, а это ведь готовый сценарий! Нет, мам! Мы просто зайдём в синагогу, где спросим ребе, а оттуда – пешком до ателье, заходя в каждый магазин, кафе и кондитерскую на её и нашем пути!

– Но за-ради поговорить придётся што-то покупать, – слабо возразила мать, сдаваясь под натиском дочиного надо и стройных рядов кондитерских изделий...

... в пользу бедной девочки! Сугубо!

⁴ А. С. Пушкин "Евгений Онегин".

– ... и я такая, – негромко, но весьма эмоционально рассказывала Фира матери, идя по улице, – любезнейший Антип Меркурьевич, сударь мой, не знаете ли вы... а потом смотрю – знает! И краснеет! Та-ак мило...

– Антип? – переспрашивала мать, немного завидуя, шо в этом расследовании она явно не Холмс, и не факт даже шо и Ватсон!

– Ну! Модный такой, фронт настоящий и мастер признанный, да и делец изрядный, недаром же Федул Иваныч доверил ему Дурбанский филиал! А та-ак застенялся...

– Он же... Песса Израилевна сложила пальцы староверческим двоеперстием.

– А Егор? – возразила дочь с видом триумфатора.

– Ну...

– Вот и я о том же! – припечатала довольная Эсфирь, которой чем больше таких браков, тем меньше взглядов на неё! И вообще!

– Хороший мальчик, – завздыхала Песса Израилевна, – но...

– Пусть лучше через "Но" счастьем, чем через традиции, но без счастья, как у родителей Рахиль! Да и кто што делает? Антип Меркурьевич не абы кто, а друг и компаньон Мишки Пономаренка через швейный бизнес! А со стороны нас у Рахиль ещё интересней! Ну и?! Кто?

Она задиристо подпрыгнула, сжав маленький кулачок, и тут же смутилась редких прохожих, мило порозовев.

– Это што же получается? – едва не споткнулась Песса Израилевна, кивая машинально встреченному знакомцу, – Вот так всё? Просто?!

– Ну... совсем уж просто не будет, – чуть задумавшись, ответила Фира, – эти двое долго будут делать друг другу нервы, ходить и краснеть, но в целом – да!

– А... – начала было женщина и закрыла рот, – Синода-то нет! И это шо, кто как хочет, тот так и верит? И... в брак?! Доча, я только сейчас это осознала! Нет тех, кто своей работой выбрал – мешать людям жить! И сколько такого "Нет" по Африке и Кантонам?! Просто... не мешать? И ведь всё! Ничего больше не надо, а как надо, люди сделают сами!

* * *

– Бах! – открывая двери головой, в участок ввалился сперва странный субъект, а затем Соломон Маркович с алой повязкой ДНД на правом бицепсе. Бывший биндюжник и немножечко бандит, известный в Одессе забияка и драчун, после Англо-Бурской Соломон Маркович осёл в Дурбане.

Немножечко оглядевшись и выздоровев после всякого, он понял, шо в новой стране и при новой власти можно бить людей при полной и горячей поддержке власти и общества! Ну это ли не подарок?! Необходимость соблюдать при этом немножечко законности удручает и гнетёт, но нет в мире совершенства...

– Эт-та што за... – участковый даже бутерброд с салом обронил, благо и подхватил тут же, а быстро поднятое, как известно, считается упавшим на газетку, – покемон?!

Крепкое словцо, подхваченное у Егора Кузьмича, прижилось в Дурбане, и всё больше в районе Новой Молдаванки, обозначая того, кто ещё может и не поц, но идёт верной дорогой к етому званию.

– Покемон как есть! – хохотнул Соломон Маркович, пхая вперёд самонастоящево казака при лампасах и фуражке, – вон... на рынке завёлся, как таракан!

– Та ладно... – не поверил участковый, сбиваясь от волнения в сторону суржика. В интересном волнении он забыл даже об сале, а ето, зная Ивана Андреича – прицидент!

– Я природный казак... кхе! – лампасник подавился воздухом, а участковый старательно не заметил самоуправство старинного приятеля, вбившево немаленький кулак в дыхало задержанново.

– Нет, ты слышал?! – просиял жид, улыбаясь золотозубо и шасливо, – Да не падай ты!

Соломон Маркович заботливо придержал казачка, за шиворот, приподняв над полом одной рукой. Вышло даже немножко интересно и символично, потому как считается, што казаки, они богатыри и мблодцы, а жидаы как бы наоборот. Но это считается всё больше теми, кто не видел блондинистых здоровенных ашкеназов, работающих мясниками и биндюжниками, и киргизистых казачков, местами ни разу

не крупных.

– Та слышал, слышал, – отмахнулся хохол, тыкая пальцем в казака, не исчезнет ли? – не глухой.

– Да я своим ушам и глазам не да, – заулыбался Соломон Маркович, – когда увидел такое. Я сказал себе – Шломо, надо прекращать пить по утрам! А потом выдохнул, выдохнул и радостно понял, шо это не белочка в лампасах, а настоящий казак! Пить можно!

– Их по всему Союзу двух десятков нету, и те расказачились, а тут – нате! – солнышком сиял правоохранный жид, – К именинам подарочек!

– Шломо, я тебе вот што скажу, – палец участкового упёрся уже в друга, – если чилавек казак, то это не повод хватать ево ко мне, как бы тебе етово не хотелось!

– Ваня... – всплеснул руками друг, – у мене полрынка свидетелей! Вон... Ираида Ильинишна со мной!

Высунувшаяся наконец из-за жидовской спины склочная и насквозь православная старушонка закивала, поджав ссохшиеся губы.

– Лаился и Конституцию нарушал, – наябедничала старушка, – злотно!

Учитывая, што старушка та ещё жидоедка, то таки да и немножечко ой! Не врёт. Наверное. Казачков Ираида Ильинишна не любит ишшо больше, чем жидов, хотя...

... она вообще никаво не любит. Такая себе праведница и терпеливица из тех, которые поедом едят всех прочих, на-

чиная с близких.

– Ой... – выдохнул Иван Андреич, разом представляя интересное дело и много писанины, отчево лень в нём заборолась с любопытством и карьеризмом. А потом вспомнилось, што он хоть и маленькое, а всё ж таки начальство, и писать придётся не ему!

Участок заполнили свидетели и видоки, а также те, кто ничего и никак, но желал поучаствовать и посмотреть. По словам их, преступление выходило страшное!

– ... вот таки-таки и сказал? – не вдруг поверил участковый, остановив помощника насчёт писать, – Што он казак и етот привилегии... привилегированное сословие?! При людях?!

Толпа разом загомонила, делясь впечатлением.

– Ишь, – качнул головой участковый, – вы ему тово... объяснили, што у нас сословий нет? Ни привилегии... тфу ты! Ни привилегированных, никаких ишшо? Только граждане?

– В душу объяснили? – переспросил Иван Андреич, – А... не сразу хоть бить стали? Не, не... я ничево, если осторожно и без вредительств членов, то можно! Нужно даже, потому как оскорбление общества.

– Стоп! – остановил себя и людей участковый, потому как он болеет за Закон и Правду, а нравятся ли ему казаки или вообще нет, дело двадцать пятое, – А он не из дилигации какой? Нет? С корабля сошёл и гражданство запросил? Кхе... С убежищем? Кхе...

Допрос шёл тяжело, но после того, как Соломон Маркович по просьбе Ивана Андреича удалил всех лишних, и в участке осталось всего-то три десятка чилавеков.

– ... привиле... – высунув язык, бойко выводил пёрышком молоденький стажёр.

– Даже и не раз? – уточнял участковый, поглядывая на казака.

– Мужичьё... – сплюнул тот на пол и разразился речью.

– Тю... – Иван Андреич остановил Соломона Марковича со второго раза, – эта, похоже, для дохтура клиент. Который...

Он многозначительно постучал себе по лбу.

– ... по голове.

– Да тьфу ты... – расстроился дружинник, – так шо, в камеру ево?

– Да, – участковый загромыхал ключами, – Сёма... Сёма! Набери номер психиатра, похоже, работёнка для ево!

– ... головушкой поехал, стал быть, – рассказывал на следующий день Иван Андреич за рюмкой чая в обед, – у себе на Дону со старшиной боролся, бо оне там всю землю общинную под себя гребут. Ну и... то ли до полново рассказа-чивания дошло, то ли сбёг как дезертир, это власти уточняют покамест.

– А здесья, – мужчина пожал плечами, – может, в трюмах головушку перегрел во время путешествия, а может, просто,

как это... прогрессировал! Решил, шо там казаки неправильные, а здеся он новое войско создаст и атаманом при ём станет.

– Таки да... – протянул Соломон Маркович.

– Ну и я же и говорю, – снова пожал плечами участковый, – больной чилавек!

Четвёртая глава

– Вот тоже, кулинарная Мекка! – бубнил Санька, вяло ковыряя ложечкой пирожное, – По мне, так в Клозері де Лилá⁵ куда как душевней, и рожи вокруг знакомые, а не эти...

Он покосился на чинных посетителей "Серебряной башни"⁶, разодетых в вечерние платья, и вздыхая тяжело, принялся терзать несчастное кондитерское изделие, размазывая его по фарфоровой тарелочке. Вид такой несчастный, будто не в одном из лучших ресторанов Парижа сидим, а в тошниловку я его заташил.

– И на манеры можно почти не обращать внимания, – подковырнул я насупившегося брата.

– И што? – тот даже и головы не поднял, продолжив терзать несчастное пирожное, раздавив его карамельно-ореховые внутренности по фарфоровой тарелочке, – Спорю разве? Не последнее дело – уютно тебе за столом сидеть, или давишься, на рожи эти гляючи. Глянь! Зоопарк человеческий как есть!

– Пф... – одним только звуком показав раздражение, я стал лениво есть, поглядывая в панорамное окно, из которо-

⁵ Клозері де Лилá – кафе на бульваре Монпарнас, одно из самых популярных мест встреч богемы в то время.

⁶ Серебряная башня, она же «La Tour d'Argent» – старейший ресторан Парижа, и наверно, самый аристократический.

го открывается потрясающий вид. На Париж неспешно опускается вечер, и катящееся к горизонту солнце, отражаясь в Сене, совершенно волшебным светом озаряет город.

– Гиойм звал, – всё бубнил Санька, сбивая созерцательное настроение, – Андрэ Жид обещался, а мы тут как сопля под носом скучаем!

– Отскучались похоже, – заметив в отражении сплочённую группу, целенаправленнодвигающуюся к нам, спешно вытер рот салфеткой, – да не оглядывайся ты!

– В конном строю практически, – съязвил брат, косясь на неверное отражение и залпом допивая кофе, поморщившись от попавшей в рот гущи, – не иначе как с манёвров отпускники. Нога к ноге идут, и впереди командир!

– Господа! Не кажется ли вам, что здесь воняет дерьмом? – отчётливо и очень громко произнёс по-русски рослый усатый мужчина лет сорока, остановившись у нашего столика и с неотвратимостью орудийной башни поворачивая голову в нашу сторону.

Ну... так, по крайней мере, ему кажется. Наверное. На мой взгляд, выглядит это всё донельзя манерно, отдаёт плесенью и нафталином глубоко провинциального театра. Группа поддержки, с выразительность скверных актёров играя эмоциями и лицами, поддержала и одобрила лидера, вбросив ряд тщательно отрепетированных реплик.

Да... пожалуй и верно – провинция-с! Слишком уж при-

стальное внимание к деталям моды. Затянутые в корсеты и облитые фраками, они напоминают скорее... кондомы. При этом жизненная потрёпанность у них такая, что... использованные. Неоднократно.

Ну или говоря языком более светским – это никак не денди, а скорее фаты⁷ из провинции. При том с дурным вкусом, ну или просто отсутствием оного.

Ни единой нотки индивидуальности в зализанных обликах, и даже специфические алкогольно-кокаиновые крылья носа практически одинаковые. Ни дать ни взять – прожившие провинциальные помещики из отставных офицеров, решившие то ли поправить свои дела дурной лихостью⁸, то ли...

... чорт его знает! Внезапно стало скучно, и я позволил эмоциям отразиться на лице. Нам с братом плевать на этикет хоть по большому, хоть по маленькому, и соблюдаем мы его

⁷ Фат – театральное амплуа для ролей эффектных, ограниченных и самолюблённых молодых людей («салонных любовников»). Одна из «ролей с гардеробом», где костюм и аксессуары являются ключевыми элементами образа.

⁸ Предупреждая вопросы некоторых читателей пишу сразу, дабы не писать потом по десять раз в коментах. Да, персонажей такого рода в Российской Империи хватало, и даже более чем, особенно во Франции. Собственно, как раз на рубеже веков помещики и заканчивали "проедать" выкупные деньги. В РИ крестьяне платили выкуп за землю (завышенный в разы и без возможности отказаться платить) до 1907 года. Большая часть выкупных платежей (что-то свыше 90 %, если не ошибаюсь) была потрачена в Европе, и преимущественно как раз во Франции. И да, поведение "ля рюс Бояр" и им подражающих мелкотравчатых помещиков, было крайне вызывающим и скандальным.

ровно настолько, насколько это удобно нам! И такое нелепое представление... на кого оно было рассчитано?

– Жопу надо вытирать, если кажется, – буркнул Санька, откидываясь на спинку стула, и взглядом эстетствующего мясника окидывая троих мужчин.

– Идиоты, – сухо констатирую я, – пытаться шокировать разговорами о дерьме бывших пастухов, которые не скрывают и не стесняются своего прошлого, – гарсон!

Ловлю взглядом официанта, взмахом руки привлекая внимание персонала и публики.

– В-вы... – с огнём в глазах и пузырькам слюны на губах, лидер кокаинистов левой рукой схватил меня за грудки и то ли замахнулся, то ли захотел вздёрнуть со стула ввысь...

... но я, ухватив его за пальцы, с готовностью начал падать на спину, выворачивая кисть на излом. Короткий, какой-то собачий взвизг, перешедший в скулёж, и рослый мужчина скрючился в позе эмбриона, баюкая сломанную руку...

... а я уже на ногах.

– Долго ты, – буднично сказал брат, пробивая ногой в голову стоящему на одном колене щеголеватому мужчине с жидковатыми тоненькими усиками на одутловатом лице. Второй, обладатель "Николаевской" бороды и рыхлого, сбившегося набок большого живота, раскинулся на спине морской звездой, вяло шевеля конечностями и явно пребывая в глубоком нокауте.

– Зато чисто, – хмыкаю в ответ, и прижав руку к сердцу, с

виноватым видом кланяюсь милovidной даме, ставшей свидетельницей произошедшего, – считай, полресторана видело, што не мы первыми начали. Мы белые и пушистые!

– Эт да, – согласился Чиж, носком ботинка трогая "морскую звезду" и пряча кастет в карман, – никак перестарался? А нет...

"Звезда" повернулась на бок и звучно наблежала на пол, приведя в комичное отчаяние официанта, самую чуточку не успевшего с тазиком.

– Сават, месье, – улыбаюсь одному из ближайших соседей, заинтересовавшихся скандалом. Приврать несложно, а французам всё национальное – бальзам на сердце!

– Месье... – метрдотель был вежлив, но твёрд и настойчив, обращаясь к агрессору, – вы меня понимаете?

Лидер тройцы, держась за сломанную руку, кивнул... далеко не сразу и изрядно заторможенно. Не факт, что понимает он в полной мере, ибо переломы я обеспечил сложные и со смещениями. Чорт его знает, как сознание не потерял от болевого шока...

– Мы вызвали врача и... – метрдотель покосился на нас, мастерски выдерживая паузу.

– На полиции не настаиваем, – жму плечами с видом человека, не нуждающегося в надуманных сенсациях, – если только эти агрессивные месье не считают иначе.

Месье, в лице пребывающего в шоке плешивого лидера,

у которого слетела волосяная накладка с макушки, не считали. Покинув поле боя с помощью персонала, оставили нас победителями как де-юре, так и де-факто.

– Месье... – материализовался метрдотель у нашего столика, на котором не иначе как попущением Божиим, не пострадала ни одна салфетка, – хочу заверить Вас, что лично я и персонал "Серебряной башни" не винит Вас в произошедшем. Также уверяем вас, что эти... клошары не ступят более ногой в наш ресторан.

Чорт знает, лукавил ли этот осанистый немолодой мужчина, склоняя гордую выю, но блевоту и кровь замыли, а нам, в качестве компенсации за как бы испорченный вечер, принесли изрядных размеров блюдо со сладостями.

– Хоть так, – вздохнул брат, у которого явно прорезался аппетит, – и не подрались толком, а... ладно!

– Ничего они не понимают в благородном искусстве кабацкой драки, – съязвил я, и Санька закивал согласно. Тьфу ты... даже неинтересно...

Ан нет! Вон, глаза блестят насмешечкой!

– Ах ты... а молодца, – улыбаюсь ответно, – ей-ей молодца! Подловил на дурачка!

– А то!

* * *

Отложив документы в сторону, Лубе прикрыл веки и по-

массировал их кончиками пальцев.

– Информация полностью достоверна? – глухо поинтересовался он у секретаря, не открывая глаз.

– Месье Лепин лично ручается, – бесстрастно ответил тот.

– Между Сциллой и Харибдой, – пробормотал президент Французской Республики, растекшись по креслу снулой медузой.

– Месье... – напомнил о себе секретарь.

– Ступайте, Пьер, – отпустил его Лубе, и молодой мужчина, склонив голову, закрыл за собой дверь массивную дверь, отсекая звуки приёмной.

Некоторое время Лубе сидел молча, полуприкрыв глаза. Наконец, шумно вздохнув, он нашарил в ящике стола коробку сигар, и отрезав кончик при помощи гильотины, раскурил табак из заморских колоний Франции, подаренный плантаторами.

– Русские... – пробормотал он, прикусывая в досаде сигару и перекатывая её в уголок рта, – республиканцы и монархисты, и нам, тысяча чертей, нужны и те, и другие!

Выпустив дымное колечко, Лубе снова открыл принесённые секретарём документы и принялся их просматривать, хмыкая и делая пометки карандашом. Не вызывая Пьера, он достал с полка "русские" папки и принялся делать выписки, не выпуская сигару изо рта.

– И ссориться ни с кем нельзя, – меланхолично констатировал президент, приходя в самое дурное расположение ду-

ха.

С одной стороны Российская Империя, надёжнейший рынок сбыта, поставщик дешёвого сырья и...

... пушечного мяса в случае боевых действий.

Страна-должник, дворянство которой, начиная с представителей Дома Романовых, самым решительным образом стремится тратить деньги во Франции. Имея такого союзника за спиной, можно не бояться решительно ничего!

– Нет... – поправил себя Лубе вслух, – не за спиной, ни в коем случае не за спиной! Впереди, и только так! Россия – замечательный пример того, как можно выиграть все битвы, проиграв в итоге войну. Замечательный союзник...

С другой стороны – Русские Кантоны, ключ к Африке. Огромные, почти незаселённые территории, с богатейшими недрами и плодородными почвами. Стремительно развивающаяся страна, которая ещё много десятилетий будет нуждаться в...

... Старшем Брате.

Страна, которая при наличии надёжных союзников и капельки везения, способна стать доминирующей силой на материке. Африканский плацдарм Франции!

– Юный командер ведёт свою игру? Или кто-то из его окружения играет командером? – Лубе ещё раз бегло проглядел папку и кивнул удовлетворённо, – Хм... пусть. Если верить Лепину, а не доверять ему решительно нет резона, лёгкие, точечные провокации русской фракции лишь чуть-

чуть ускорили течение событий.

– Чуть-чуть, – задумчиво повторил он, катая по столу карандаш, – Даже... я бы сказал – изящно! Если бы не пристальное внимание к Георгу и его делам, то пожалуй, мы могли бы и пропустить эти детали как малозначительные!

– Значит, – Лубе склонил голову набок, будто прислушиваясь к кому-то, и пару минут спустя вновь принимаясь листать документы, – ему нужно обострение конфликта... сейчас? Именно сейчас?

– Ах ты ж... – он восторженно хлопнул ладонью по столу, – делёжка африканского наследства в разгаре! Вот оно!

Сделав в общем-то логичное допущение, президент Французской Республики выстроил цепочку действий Георга в частности, и русской фракции вообще, на не вполне верном выводе.

По его мнению, получив кусок африканского пирога, авиатор демонстративно удалился от последующей неизбежной грызни. Свои активы он обезопасил на первых порах авторитетом военного, а затем и тесной кооперацией с промышленными и аристократическими кругами Франции. Ныне же Георг получил возможность вернуться в Африку арбитром с незапятнанной репутацией, равно усилив свой экономический и политический вес.

– Хлопнуть дверью... а ведь и выйдет у мерзавца! – невольно восхитился Лубе, и тут же поправился, – Могло выйти! Ему – повод удалиться в Африку, а нам – головная

боль... экий подлец!

Несмотря на нелестные эпитеты, президент настроен вполне благодушно. Желание Русских Кантонов максимально осложнить для Российской Империи ситуацию на политическом поле логично, закономерно и пожалуй – исторично. Сыграли изящно, не переходя негласных, но достаточно жёстких рамок политической подковёрной борьбы, так чего ж обижаться?

– Н-да... а ведь придётся отойти от роли арбитра и подыграть Георгу в этой партии, – озадачился он, раскуривая погасшую сигару, – Пусть провокации и имели место быть, но ведь первыми начали никак не Кантоны! Да и удалить из Парижа одного человека много проще...

– ... и дешевле, – вздохнул президент, вспоминая о невероятных суммах, ежегодно оставляемых русским дворянством в Париже. Если же репутацию русского дворянства скандализировать в глазах французского обывателя ещё больше, то...

... этот источник может сократиться весьма существенно. А что ещё хуже – ряд контрактов окажется под большим вопросом!

– А ведь придётся с Георгом договариваться, – меланхолично констатировал президент Французской Республики, – Вот уж действительно, Возмутитель Спокойствия!

Пятая глава

– Права и свободы... – выдохнул я, сминая газетную страницу в тугой комок. А потом ещё, ещё...

– Гхм! – глухо кашлянул Матвеев, не вынимая изо рта пустую трубку, – Не злись, Егор! Понятно, што Дума эта будет чем-то... а, опереточным! Но хоть штой-то, понимаешь? Как-никака, а трибуна люду.

– Трибуна... – усмехаюсь и бросаю комканную газету в корзину для бумаг, – Сколько красивых слов, а толку?!

– Ты, Егорушка, и вправду не понимаешь... хм, – отложив трубку, Матвеев посмотрел на меня с видом учителя, взирающего на нерадивого тупоумного ученика.

– Да всё я понимаю! – взрываюсь криком.

– Хрена! – заорал командер в ответ, лупанув кулаком по столу, – Обидели ребёночка, не дали все пряники на ярмарке! Так?! Думал, вот так сразу тебе, на блюде всё? А шиш!

Он ткнул мне под нос увесистый кукиш с толстым желтоватым ногтём.

– Вот такой вот, токмо царский! По кусочку, по шажочку, по чуть! – выплёвывал военный атташе, – Зубами выгрызать права и свободы будем... кровью поливать! Свой ли, царёвой ли... внял?!

– Дума ему не понравилась, ишь! – вскочив со стула, Матвеев закружил по своему кабинету, как хищник в клетке, –

Мне может тоже не нравиться, а куда деваться? Хоть какая-то трибуна, возможность высказаться! Шажок!

– Власти устроили политический террор! – заорал я в ответ, – И что... вот так вот всё?!

– Да! – развернулся командер на пятках, обжигая яростным взглядом, – Так! Смягчение приговоров, помилование, и давление, давление, давление... Выгрызать будем, шантажировать, покупать чиновников, продавать, красть!

– Ам-нис-ти-я! – нависнув надо мной, проговорил военный атташе, – Большая часть восставших... понимаешь? Большая! Ты хоть понимаешь, какая это победа? И это сделали мы! И народ знает... будет знать о нас, а не о царской милости!

– Столько слов Лубе наговорил... – меня начало отпускать, и настроение из яростного стало пасмурно-дождливым, чуть не до слёз.

– Ему по должности положено, – усмехнулся Матвеев угрюмо, – да и што... думаешь, вот прям такой туз козырный в руках у тя был? Шиш! Залупы еврейской кусок!

– Французам не хотелось нагнетания, – почти спокойно сказал военный атташе, усаживаясь на стул, – и всего-то! Можно сказать, с учётом имеющегося, нам навстречу пошли.

– Аванец выдали? – сощуриваюсь хмуро.

– Ево, – невозмутимо кивнул собеседник, – и я чевой-то не пойму, ты чево жалуисся? Хотел из Парижу в Африку, и пожалста! Со всем уважением и реверансами! С выгодами!

Скажешь, нет?

– Прав ты, Ильич, – откипятился я окончательно, – со всех сторон прав. Но...

– Ясно-понятно, – кивнул он, не дождавшись продолжения, – хотелось всево и сразу, так? Да в уши небось надудели так, што вот прям все блага земные за обещание не скандалить больше господ российских помещиков?

– Оно, – выдыхаю тяжко, – Так-то оно понимаешь, сильно опосля уже, што ничего такого экстраординарного и не пообещали, а всё то же, што им негоже, просто в обёртке по-красивше. Да... а всё равно кажется, што не по букве, а по духу должно, по картинке, перед глазами нарисованной.

– Эт да, – крикнул Матвеев, – здесь ты опростоволосился... Цыц! Я тя не виню, Лубе сладкоречив, недаром эвона куда влез! Што я, сам, што ли... За ручку ухватит и держит, яко парень девицу, а? Да улыбка, морщинки лучиками, да словеса подбирает – куда там сказительницам! Ну што, отошёл?

– Отошёл, – навалилась апатия.

– Ты, Егор, вот што подумай, – усмехнулся военный атташе, набивая табаком трубку, – Скока времени прошло с начала англо-бурской? Ась?! А скока сделано?

– Государство русское, – начал он загибать пальцы, – да с союзниками какими-никакими!

– Хреновыми! Говно на палочке, а не союзники!

– Ясен-красен! – кивнул он спокойно, тая под усами усме-

шечку, – Когда это союзники другими бывали, при наличии хоть каково умишки? Эт только у нас цари-батюшки за одобрение европейское кровушкой русской любой пожар норовили залить, да не жалеючи! В Европах такие дурни давно уж перевелись!

– На волоске Кантоны висят, – перекосившись, делюсь наболевшим, – Я, веришь ли, даже союзникам из буров не вполне доверяю, так-то!

– А-а... – протянул Матвеев, – слона-то⁹ ты и не приметил! Вот...

Подчеркнул ногтём нужные строки, он протянул мне документ.

– Так... облегчение визового режима для... представителей крестьянского и мещанского сословия?!

Голос у меня сорвался на фальцет, и Ильич кивал с улыбкой кота, довольного злой шкодой.

– С ба-альшими оговорочками, – ехидно протянул он, – Ну то есть так они думают! А на деле – вона... чти далее!

– Так, так... а! При наличии родственников и... гарантии финансовой поддержки?! – я неверяще уставился на Матвеева, расплываясь в улыбке, – это же...

– Да! – он пыхнул дымком, – Эти-то... псы царские, по себе людей судят! Им же всё дай да дай... а слова "На" они и знать не знают! Нет у них понимания христианской души, у сук етаких!

⁹ "Слона не приметил" из басни Крылова, то есть не заметил самого важного.

– Это ещё сильно не свободный выезд, – кусаю губы, норовящие растянуться, – но уже куда как...

– Надолго ли? – перебил командер мой восторг, – Сам понимать должен, не мальчик! Полгода, много год, и опомнятся суки, прикроют калиточку! А до тех нужно вытащить как можно больше народишку, да порукастей и поголовастей!

– Это кто ж такой яйцеголовый такую казуистику юридическую в договор завернул? – восхитился я, перечитывая ещё раз сложнозавёрнутые строки, – Яйцеголовый, это...

– Да понял, – перебил усмешливо Матвеев, – яйцеголовый, ишь... Он и правда... хм, лысенький да головастый. Яйцеголовый, ха! Ульянов! Ну, тот...

– Помню, как не помнить!

– Ну вот, – военный атташе окутался табашным дымом, – не один он, ясно-понятно! Вся фракция... точнее, там вся закавыка была не в том даже, што придумать, а в том, што пропихнуть! А у этих дружки-приятели университетские да гимназические, ну и это... сочувствующие нашлись. Впихнули каким-то... хм, боком.

– Хитро... а мы?

– Навстречу пошли, чево ж ещё, – пожал плечами Матвеев, – Раз уж такие ушлые, пусть политической деятельностью в Кантонах занимаются.

– Хм...

– Чево не так? – уставился на меня командер.

– Да так... сам не пойму! Вертится в голове што-то, а уцепить мыслью ногтями никак не выходит.

– А... бывает. Так што, не против?

– Да с чево бы? – удивился я, – Дельные вроде! Так посмотришь, чистоплюи интеллигентские, а в летнем восстании знатно отметились. Бурш, а?! Единственное – марксистов у нас многовато становится, их бы разбавить, а?

– Разбавить, говоришь? – Матвеев чуть задумался, – Всякой твари по паре в Кантоны запустить?

– Вроде того. Облегчим визовый режим всяким там... активистам. Штоб перекосов не было в левую политику.

– Хм...

– Я хоть и социалист, – поясняю свою точку зрения, – но считаю, што в государстве должны быть представлены все точки зрения, так как-то. Здоровее общество будет. Ну и до кучи – люди образованные, да с убеждениями, глядишь, а и потянутся! Да и спокойней будет для союзников, сам понимаешь! Для янки социализм – нож острый, да и германцы не так, штобы вовсе доброжелательно!

– Кхе! – подавился дымком военный атташе, – С этой стороны я на проблему не глядел!

– Кхм... Ильич, а чево ты мне сразу текст договора не ткнул? – опомнился я, – Орали тут, как два лося во время гона...

– А ты дал? – удивился он, – Зашёл с газетой, скомкал её, и ну истерику устраивать! Вот я и не сразу опомнился, да и

сам на взводе, чего уж греха таить. Ну, выорался?

– Угум.

– Когда отъезжаешь? Да не гоню! Но и сам должен понимать, што не стоит тебе задерживаться в Париже.

– Ну... дня три, – прикинул я, – Дела в Ле-Бурже и посольстве сдать, потом банкет в посольстве по случаю отъезда, банкет... да хоть в Клозері де Лилá, уже как частное лицо. И... всё пожалуй. А нет! В Ле-Бурже с сотрудниками надо будет, и... вот теперь – точно всё!

– Три дня? – Матвеев склонил голову набок, – Не мало?

– В натяг, но хватит. В посольстве Луначарского сходу на своё место натаскивать стал, так он без раскачки потянет. В Ле-Бурже я де-факто главный конструктор, а идей и идеек, запатентованных... помню, помню, – предупредил я очевидный вопрос, – на два года вперёд накидал. Ну и так, в последние пару месяцев почти всё управление на замов свалил.

– Банкет в посольстве на себя возьму, – военный атташе сделал у себя в бумагах пометку, – здесь не переживай. Клозері де Лилá... а вот здесь, пожалуйста, с временем поточней определись!

– Думаешь, будут провокации?

– Будут или нет, – пожал плечами Ильич, – но ведь возможны? Рассадим там с полдюжины наших, и... Ты как смотришь на то, чтобы катакомбную братию пригласить?

– Активистов?

– Только за! Хорошие парни, чего ж не пригласить?

- Ну и славно... – Матвеев сделал пометки в ежедневнике, – всё?
- Да пожалуй, што и да, – киваю задумчиво, – привязанности в Париже у меня есть, но они не вполне... хм, сердешные. Обойдутся!
- Да! – остановил он меня у дверей, – Анатолий сейчас пробивает возможность помогать жертвам политических репрессий в Империи, ты как?
- В деле! А конкретней?
- А чорт его знает, – пожал Матвеев широкими плечами, – я же говорю – пробивает! Но не как раньше, окольными путями через пятые руки, а предварительно через официальные организации.
- Думу? – оживился я, – Это было б здорово! Сразу своих людей прорекламирровать можно было б!
- Через Думу, через Красный Крест, может ещё чево. Как выйдет.
- Лишь бы вышло! – трижды сплюнув, трижды стучу по косяку двери, – Народу поддержка нужна, да и живая пропаганды выйдет. Думаешь, не запретят с помощью?
- Не попробуем, не узнаем, – философски отозвался командер.

* * *

Бурлящая толпа художников, поэтов, писателей и тех, кто

мнит себя таковыми, в Клозері де Лилá сегодня как никогда велика и...

... именовита, если можно так сказать о людях творческих, многим из которых признание приходит после смерти. Все друг друга знают если не лично, то как минимум имеют общих друзей и знакомых, а потому нравы самые непринуждённые.

Суффражистки, встряхивающие руку по-мужски энергично и тут же – утончённые дамы, и рядом – музы... иногда очень сомнительных, а порой и недвусмысленных моральных качеств и...

... профессий. Гетеры. Дамы полусвета. Содержанки. И многие, чорт побери, талантливы!

Но ничуть не меньше истеричек, мнящих о себе пустыньских творческих личностей, мстительных и подлых. Разные, очень разные.

Мужчины... тоже разные, и порой хочется вымыть руки, но...

... гляжу на Гийома и Жида, на Пруста, вспоминаю поведение "боевых пидорасов" в Порт-Саиде и... пусть их живут как хотят. Есть друзья, враги и все остальные, а какого они пола, возраста, религиозных и иных предпочтений – плевать.

Много социалистов, в том числе и русских. Знакомлюсь наконец с Ульяновым, но по недостатку времени походя, только и успел пригласить его в Кантоны и Дурбан, обещая самоё искреннее гостеприимство. А жена у него да... штуч-

ка! Правда, несколько неухоженная, ну да это почему-то общая черта для многих революционерок.

Пабло расстроен искренне, от всей души, как это бывает у южан. Не самые глубокие моральные принципы у человека, но друг он хороший и искренний.

– Тяжко бедняжке, – отшучиваюсь от набившего оскоми-ну вопроса, прилетевшего из толпы, и снова – рукопожатия, объятия, поцелуи, искренние и не очень слёзы.

Причина моего отъезда хранится как бы в тайне, но это же Франция! Знают далеко не всё, но что уезжаю я потому, что на Лубе надавили Романовы, уже просочилось, притом из источников, близких Французскому правительству.

Отмалчиваюсь и отшучиваюсь, подтверждая подозрения.

– Друзья, друзья! – перекрикиваю гам, – Я очень рад, что все вы здесь собрались проводить меня! Думается, встречаемся мы с вами не последний раз, и возможно, не только в Париже! Жду вас в Дурбане! А сейчас...

Оборачиваюсь и киваю Саньке с приятелями музыкантами, и...

– Дайте мне номер-люкс в Гранд-отеле Ритц¹⁰ —

Я этого не хочу,

Драгоценности от Картье —

Мне этого не хочется.

¹⁰ ZAZ – Je veux (Live). Автор перевода – Elena Decat. От меня – ма-аленькие переделки с поправкой на пол (певица женщина) и время.

Дайте мне экипаж —
Что мне с ним делать?

Папалапапапа

Подарите мне персонал —

Что мне с ним делать?

Небольшой замок в Невшатель —

Это не для меня.

Подарите мне Эйфелеву башню —

Что мне с ней делать?

<https://www.youtube.com/watch?v=qIMGuSZbmFI>

Я хочу любви, радости,

Хорошего настроения,

И ваши деньги

Меня не осчастливят.

Я хочу умереть с чистой совестью.

Так, давайте, я вам открою мою свободу,

Забудьте, в таком случае, ваши стереотипы.

Добро пожаловать в мою реальность.

Мне надоели ваши хорошие манеры,

Это слишком для меня.

Я ем руками,

И я такой, какой есть.

Я громко говорю и я откровенен,

Извините меня.

Кончено лицемерие, я сваливаю отсюда
Мне надоело слышать шаблонные речи.
Посмотрите на меня!
В любом случае, я на вас не сержусь.
Я вот такой, какой есть
Я вот такой, какой есть

Я хочу любви, радости,
Хорошего настроения
И ваши деньги
Меня не осчастливят!
Я хочу умереть с чистой совестью.
Так давайте, откроем мою свободу,
Забудьте в таком случае ваши стереотипы
Добро пожаловать в мою реальность.

Я хочу любви, радости,
Хорошего настроения
И ваши деньги
Меня не осчастливят
Я хочу умереть с чистой совестью.
Так давайте, откроем мою свободу,
Забудьте в таком случае ваши стереотипы
Добро пожаловать в мою реальность.

... уже садясь на пароход, слегка нетрезвый и провожае-
мый едва ли не всеми гостями, я заметил чуть в стороне от

толпы Евгению Константиновну...

... с детской коляской...

Шестая глава

– Устал, как гончий конь! – пожаловался Бляйшман супруге, скидывая пыльник на руки чернокожему слуге, и касаясь губами подставленной щёчки Эстер, – Не Кнессет, а какой-то дурдом, и я таки не пойму – я за главврача, потому што согласился на это да, или таки за главного достопримечательного Наполеона, красу и гордость больницы?

– Милый, ты в любом случае за да и гордость, – ответила дражайшая супруга очень уверенно, – и даже если твоё да в палате, то это главное место психбольницы! Где ты, там и да!

– Сердце моё! – умилился Фима, потянувшись губами к губам любимой. На присутствующих слуг они быстро учились не обращать внимания, считая их не то чтобы за предмет мебели, но и не так, чтобы нет!

– Сердце и всё, шо поверх, будет потом, – хихикнула та кокетливо, отпрянув на мраморном полу холла с грациозностью бегемотика в брачный период, и приложив к губам супруга пухлый пальчик, – а сперва мой усталый и пропотелый рыцарь примет ванну после грязного Кнессета, и немножечко нафарширует своё пузико вкусными вкусностями!

– А можит... – Фима галантно повёл носом и сделал глазами интересные намёки, отчево у супруги интересно зарозовело лицо, – между ванной и пузиком будет немножечко восточного разврата?

Был разврат, и даже два раза, чем Бляйшман немножечко не на шутку загордился. И был ужин с обстоятельной фаршировкой пузика, отчево он ещё не начал чувствовать себе рибой фиш, но уже пришло немножечко понимания за неё.

– Што же хотят эти шлемазлы на этот раз? – делая мужу приятно интересом к делам, поинтересовалась пэри его сердца.

– Как всегда, милая, – прочавкал тот аппетитно, – денег! Штоб им было хорошо и сразу, но отвечать за это надо было другим!

– Шоб ми так жили, как они об нас думают! – всплеснула пухлыми руками Эстер, и многочисленные её кольца и браслеты, украшенные драгоценными камнями ценой в линкор, блеснули согласно.

– Ещё немножечко... – Фима показал это немножечко облизанными пальцами, раздвинув их на расстояние втиснутого патрона, – подождать, и будим совсем да! Не так да, как Николай и господин Балетта, но только за нашей большой скромностью!

– А што мешает нам за такое светлое совсем да? – поинтересовалась супруга после короткой паузы. В кротких глазах её мелькнули отголоски грозы в сторону тех, которые против ихнего да.

– Люди! – воскликнул патетически супруг, – Которые есть, они не те, а которые надо, их нет!

Мужественно и отважно расправляясь с едой, Бляйшман

привычно проговаривал супруге события дня, проблемы и мысли, делясь сокровенным и важным.

– Слишком многие хотят за гешефт, – немножечко невнятно жаловался он, обгрызая мясо с бараньего рёбрышка, – и мало за работать! Я им показываю, где и как можно сделать деньги, лишь приложив немножечко голову и руки, а они совсем не хотят за руки, и скажу тебе самое страшное – не слишком да и за голову!

– Ой-вей! – покачала головой супруга, сделав грустно глазами, – А если...

– ... русских? – подхватил Фима, изучивший её за много лет, – Думают за да, а вот русские как-то не очень!

– У русских, – продолжил он без прежней экспрессии, – не всегда получается хорошо прикладывать голову, но руки они готовы стирать до самых костей!

– И как это лечить у нас? – поинтересовалась супруга, подвигая ему соусницу.

– Если б я знал! – Фима широко развёл руками, и соус с рёбрышек отправился в полёт.

– Русские не слишком хотят, – продолжил он, – а если и соглашаются на да, то получается не гешефт в пользу нашего народа, а нормальное предприятие в общую пользу!

– Я таки понимаю, это самое лучшее да, шо можно ждать от русских, – задумчиво констатировала драгоценная супруга, – а кафры...

Бляйшман пожал плечами, дожёвывая.

– Копать-таскать они могут, но нужно стоять рядом с палкой, и я таки скажу, шо не просто стоять! Плантацию делать, дорогу ровнять, таскать што-то, и на этом почти всё!

– А наши – ну сплошные гешефтмахеры, даже если за честное ведение дел! Дома – сапожником был из не самых, – распаялся он, – а приехал сюда, и сразу белым сахибом себе чувствует! Ты, можит, воевал за эти земли, или имеешь капитал? Светлую голову и большое умное знание? Нет? Поц ты тогда, а не сахиб!

– Фима, – дождавшись паузы, вбила супруга свой клин в разговор, – ты помнишь, сына рассказывал нам за Золотую Лихорадку в Калифорнии?

– Ну... – Фима перестроился на новое не только лишь сразу, а с некоторым скрипом, – таки да! Ага, ага... это когда больше всех заработали не золотоискатели, а те, кто снабжал и торговал их?

– Ага... – он ушёл в мысли, не забывая фаршироваться, но уже медленно и с паузами, – а потом пришли большие капиталы, и шахты стали принадлежать им? Ты это хочишь сказать?

– Таки да! – уверенно сказал супруга, не вполне понимая ход мыслей Фимы. За много лет изучил не только он её, но и ровно наоборот, и знала, когда и што надо поддакнуть, когда поднеткнуть, а когда – перебить интересной историей.

– Золотце! – умилился супруг, улыбаясь подливной улыбкой, – Шоб я без тебе... Нужны люди в сильных количествах,

и ещё больший ажиотаж, а дальше они уже сами!

– А мы будим снабжать и торговать, оставаясь в сторонке, – гордо выложила Эстер, но попала не так и не туда, так што Фима хоть и выразил свой восторг, но как-то вяло и без огонька.

– Люди и ажиотаж – Бляйшман попеременно кусал то персик, то нижнюю губу до самой щетины, думая о важном. Тряхнув головой, он выбросил до поры эту проблему, сосредоточившись сперва на ужине, потом на супруге, а потом на ещё раз перекусить.

Проснувшись среди ночи, он долго лежал, глядя в потолок и слушая стрёкот цикад за окном. Мысли домкратом распирали умную голову, и не так, чтобы и очень радостные!

– Заселять Иудею надо срочно, – тихохонько пробормотал он, и Эстер заворочалась на простынях, потревоженная шёпотом. Нашарив мужа, она закинула на него сперва руку, а потом, для пущей надёжности, и ногу, и засопела умиротворённо.

" – Срочно!" – набатом било в голову, и лезли всякие мысли и намёки на них. Планы Вильгельма на Иудею грандиозны, и хотя дальнейшее включение её в состав Германской Империи не вызывало у Бляйшмана очень уж яростного энтузиазма...

... если только не на правах очень... очень большой автономии!

... то вот необходимость осваивать необъятные просторы, притом как можно быстрее, понималось и принималось премьер-министром Иудеи очень горячо!

К великому его сожалению, у других людей были другие планы, многие из которых – сильно вразрез! Это только на словах можно фу на Ротшильдов, а когда они фу на тебе, это очень даже ураган!

Нет, Бляйшман не жалел о демонстративном разрыве с ними, потому што как ни проглядывал он аналитически возможные варианты, но именно шо его, Фимы, там не находилось! Ни в равных партнёрах, ни в младших...

... и даже сама Иудея становилась под вопросом. По крайней мере – как государство, а не территория, принадлежащая Ротшильдам. А жили бы там евреи в значимых количествах, или кто другой, большой вопрос.

Переселение и даже сама агитация в пользу Иудеи пробуксовывали от того не так, штобы вовсе на одном месте, но где-то рядышком! Ибо – противодействие по всем фронтам!

Чуть-чуть Соединённые Штаты облегчили въезд сугубо для них, чуть-чуть – Аргентина и Канада, и этих "чуть" набиралось не так уж мало, так што в светлых еврейских головах надвигалось головокружение от успехов и возможности выбора!

Главы и представители общин надували щёки, торгуясь за условия и привилегии, желательно лично для них, и обязательно притом – деньгами! Своё веское да говорили цадики

и раввины, которые всегда имели своё мнение, и никогда не стеснялись навязывать его другим.

Фима пытался считать их требования в столбик, но цифры и условия приближались к бесконечности. Даже если он пустит всё своё состояние на обеспечение чужих хотелок, то его не хватит несколько раз, и притом сильно!

Оплатить переезд? Ладно... так они ещё и шекели возвращать за него не хотят! Ни в кредит без процентов, ни работой где надо!

А условия? Каждый второй мнит себя плантатором, и хочет готовых негров с плантацией, притом непременно так, чтобы приехать, и оп-па! Чуть-чуть тока доделать под своё надо, и всю жизнь – не делать ничего до самых внуков, которым тожи нет!

Которые не вторые, те хотят или места в правительстве, или привилегий по торговле, или шахт и всего сразу!

Самые скромные представители общин, делегированные в Иудею, требуют хоть какой-то обустроенности быта, дорог, школ, медиков... ну и разумеется – подъёмных.

Едут в массе не сюда, а оттуда. Спасаются. От долгов, уголовного и политического преследования, ну и вообще... проблемные!

Одесса на фоне этих – золотой фонд практически, хотя ведь на деле – ну совсем не разу! А сколько их? Раз-два, и кончились... остальные ещё хуже.

" – Нет, – поправил он себя мысленно, – не самый золотой,

а просто – первые! Не в неизвестность ехали, а к нему, к Фиме! К родственникам, знакомым и друзьям, которые – таки да, уже с перспективами, планами на будущее и какими-никакими, а связями. Ну а потом уже, после разгрома Одесского Восстания – от безвыходности, потому что альтернатива – военно-полевой суд, и в лучшем случае – каторга! И то половина в Дурбане осела, н-да..."

– А русские – едут, – пробормотал он и с тревогой покоился на супругу, но та сладко спала.

" – Почему?"

... а потом вспомнились рассказы Шломо, то бишь Егора, и стало немногим понятней. Потому что у русских – ещё хуже! Да, нет притеснения по национальному и религиозному признаку, и...

... всё.

Зато есть такая же де-факто черта осёдлости, выкупные платежи, исправники, попы...

... и мрущие по весне дети.

" – Русских нигде не ждут, – дошло до него, – Нам нигде не сладко, но иудейские общины есть таки в большинстве стран, и куда бы не переехал еврей, ему везде хоть чуть-чуть, но помогут! Очень часто это всего лишь иллюзия помощи, но...

Фима выдохнул прерывисто, и Эстер заворочалась во сне.

... у русских нет и этого! Нет и никогда не было значимых общин за пределами Российской Империи, и не было даже

самой возможности покинуть её. А ведь если вспомнить потомков дезертиров, оставшихся во Франции после Наполеоновских войн, то и нельзя сказать, шо не хотели! Солдаты бежали к кавказским горцам, к персидскому шаху и османскому султану. Куда угодно от царя-батюшки! Как сейчас – в Африку, где их ждут. И больше – нигде..."

– А у нас – иллюзии, – пробормотал он совсем тихо, – и кажется, шо можно подождать ещё чуть, и тебе предложат условиях получше, а если немножечко поторговаться, то и совсем хорошие. Не в Африке, так ещё где. Не так денежно в перспективе, зато цивилизация, и безопасно уже сейчас...

А потом пазлы в его голове сложились, и Бляйшман с ужасающей ясностью понял, что если он хочет видеть Иудею государством, а не территорией, ему нужны люди, её заселяющие, и не когда-нибудь потом, а прямо сейчас. Люди, которые поедут в голое поле, готовые корчевать джунгли, воевать с британцами и всем миром, накрепко вцепившиеся в кусок африканской земли. Их земли.

Люди, которым некуда возвращаться и нечего терять, а потому...

– Чем хуже, тем лучше, – судорожно сглотнув, прошептал Бляйшман, и перед глазами его встали...

... убитые во время погромов соплеменники.

... пока ещё живые...

Седьмая глава

– Лабиринт Минотавра какой-то, – остановившись на покурить, сплюнул раздражённо Коста, вконец отчаявшись отыскать коллегу в путанных двориках, коридорах и комнатках Кнессета. Перехваченные депутаты и чиновники охотно делятся информацией о возможном местоположении Хаима, но то ли играют в Сусанина, то ли путают право и лево, и русский со своим.

А ещё эти строители, будь они неладны! Там коридор перегородили, здесь дверь в стене из самана прорубают или наоборот – закладывают! Раз обошёл, два...

... и стоишь, как дурак! Снова потерялся!

Кнессет разрастается подобно раковой клетке, выпуская метастазы во все стороны разом. Клетки, клетушки, внутренние дворики, открытые и закрытые переходы в залы заседаний, министерства и ведомства...

... в лучшем стиле трущоб арабского Востока. Так получилось.

Никто толком не знает, как должно функционировать правительство, и получается одна сплошная импровизация на бегу. Анархический хаос, в котором только начинает выкристаллизовываться будущее правительство Иудеи.

Уже есть премьер-министр и гражданская администра-

ция, она же военная, и...

... на этом всё.

Портфели ещё не созданных министерств делятся между группировками с учётом военных заслуг, родственных связей, политического веса в Африке и Европе, и разумеется – религиозных течений. Решения принимаются простым большинством голосов и перевесом политических сил, но если кто-то считает иначе, он может подкрепить своё хотение деньгами в бюджет.

Кажущаяся анархия, тщательно просчитанная Бляйшманом, играющим в демократию ровно в тех границах, которые ему удобны! Решение спорное, но...

... а куда деваться?

Иудея не рождалась в боях, а основана де-факто хотением Кайзера.

Выбившихся из низов боевых офицеров и проверенных войной интендантов с управленцами очень мало. Иммигрантов из Европы и обоих Америк, претендующих на посты в правительстве и армии Иудее, встречали не то чтобы вовсе в штыки, но откровенно настороженно, а порой и ревниво.

Заслуженные, но не всегда образованные ветераны предвзяты, да и как могут быть непредвзяты люди, только что победившие Британию?! Они смогли, а вы...

... кто такие?!

Офицерам европейских армий нужно доказывать, что они достойны служить в Армии Победителей. А ещё – перемо-

лоть уставы европейских, американских и русской армии в единое целое, годное к применению здесь и сейчас...

... и непременно – с учётом боевого опыта Африканской Кампании!

Аналогично – управленцам и политикам. Грызня!

Бляйшман не участвует в политических баталиях, выступая в роли Судии и Арбитра. Правильно или нет, рассудит Время, а пока – так.

– О... – приглядевшись и увидев знакомую физиономию, мелькнувшую в дальнем конце коридора, грек гаркнул, надсаживая горло:

– Яков! Яков, маму твою Сарру! Лебензон!

– А? Коста? – неуверенно прищурился тот в полумрак, где стоял одессит, – Шолом, шолом... – ты-то што здесь делаешь?

– Дела... – неопределённо ответил грек, пожимая руку, – ты начальника своего видал сегодня?

– Хаима-то? Канешно, – долговязый контрабандист перехватил поудобней изрядно вытертую пухлую папку, – проводить?

– Будь добр, – кивнул Коста, выкидывая окурок в окно, – а то боюсь заблудиться.

– Я ж как умный, – хмыкнул грек, подстраивая шаг под проводника, здоровающегося на ходу со встречными, – когда мине в командировку направили, взял карту страны, города

и Кнессета, и шо ж ты думаешь? Не понадобились! Вы их шо, на запутывание врагов выпускаете?

– А, это... – отмахнулся небрежно Лебензон, – шалом, Моше! Хотели как лучше, а получилось как всегда¹¹! Замах был на рупь, а шо вышло, ты и сам можешь поглядеть.

– И всё-таки? – не отставал грек.

– Ну... – независимо дёрнул плечом Яков, – это времянки. Фима уже сказал своё веское да плану градоустройства, и все эти халабуды будет потом сноситься.

– Сразу не проще?

– Получается, шо и нет, – усмехнулся Лебензон, – сам-то как?

– Соня девочку родила, – зажмурился Коста счастливо, – красивая... в мать!

– Ишь ты, поздравляю! – искренне порадовался старый приятель, который во времена Одессы бывал иногда и неприятелем. А потом случилась война и другое государство, и давешнее неприятельство вспоминается сейчас с умилением и словами "А помнишь?!" Жизнь...

– Вот, – остановился Яков у приземистого длинного барака из самана, вписавшегося в здешнее безобразие с органичностью навозной лепёхи, сброшенной вилами с тачки на преющую на задах огорода кучу такого же добра, – военное ведомство Иудеи.

¹¹ Черномырдин.

– Погодь... – остановил он жестом Косту, – секретность и всё такое.

– Хаим! Хаим! – заорал истошно Лебензон, вспугивая каких-то птах, устроившихся на соседней крыше, – До тебе пришли! Коста!

– А! Сейчас... минутку! Документы уберу!

– ... не то штоб прям секретность, калимэра... – минуту спустя объяснялся Хаим, выпроводив Лебензона с каким-то поручением.

– Шалом, – отозвался Коста, пожимая мозолистую потную руку.

– ... просто делаю изначальный ордунг, – закончил иудей, снимая сохнущую на спинке стула стираную рубашу и перекладывая её в сторонку, – Ну, садись! Я таки понимаю, Фольксраад Кантонов внял мольбам бедного мне и направил тебе на сверку и координацию?

– Будим вас координировать и сверять, – по-своему перевернул грек, поудобней устроившись на скрипнувшем стуле и обведя взглядом кабинет, – малой-то твой где?

– Моше? На тренировке батальона, – важно отозвался хозяин кабинета, покосившись на грубо сколоченные полки с личными делами.

– Батальона, – усмехнулся Коста, – сколько там в морской пехоте Иудей? Сотня хоть есть, а? У меня под началом полторы тысячи, и почти все – ветераны! А у тебе?

– Дело не в том, сколько нас, – жабой надулся Хаим, виль-

нув взглядом, – а в перспективах!

– Ша! – Коста хлопнул ладонью по столу, – Хаим, мы с тобой сколько годиков уже знакомы, так што давай не будем делать друг другу нервы! Лично тебе я уважаю уже давно, и ещё больше уважал после войны! Но сколько таких, как ты, в ваших жидких рядах?

– Морская пехота Иудеи... – торжественно начал Хаим, кривясь как от зубной боли и пытаясь раздуться много больше, чем позволяет аскетичная обстановка небольшого кабинета, где нет даже телефона.

– И снова ша! Хаим, друг мой! Я не претендую на формальное главенство в нашем Союзе, ты мне понимаешь? Формально ты и мы равны, и так всё и останется, по крайней мере – до очередной войны. А пока давай не делить песочницу, потому как мы играемся в разных!

– Ой-вей... – встряхнув головой, Хаим с силой потёр лицо и осунулся на стуле.

– Всё так плохо? – поинтересовался грек после короткого молчания.

– Нас меньше тридцати тысяч, Коста, – мрачно отозвался старый друг, – всего! На всю Иудею, понимаешь?

– А писали вроде...

– Да! Писали! – прервал его иудей, – На заборе вон тоже... написано. Решили так вот, духоподъёмно. Преувеличиваем численность и успехи, преуменьшаем неприятности.

– Не всплывёт?

– По головам считают, в порту, – мрачно отозвался Хаим, доставая из стола бутылку и два стакана, – будешь? Твоё здоровье...

– Твоё здоровье... – эхом отозвался грек, выпивая крепчайший горлодёр, как воду, – это шо же выходит – в Дурбане живёт человек или в Претории, но если он обрезанный, то вы числите его своим?

– Здесь я тебе не помогу, – подытожил Коста после короткой паузы.

– Здесь – нет, – кивнул Хаим, – а вот...

Встав, хозяин кабинета снял со шкафа увесистую папку, сдув с неё пыль.

– ... здесь – могёшь!

Видя, что грек не спешит хвататься за какую, Хаим усмехнулся кривовато.

– Просто ситуацию описал, как есть, – пояснил он, – обстановку в нашей дружной стае товарищей. Кто там против кого дружит, поддруживает и альянсирует.

– Хм... – взвесив папку на ладони, Коста открыл её, обозначив начало помогания, и вопросительно уставился на иудейского морпеха.

– Одна большая политическая жопа, – ёмко охарактеризовал ситуацию иудей, – Не скажу, шо вовсе уж лишён политических амбиций, и если бы нашёлся кто-то сильно хороший и компетентный на моё место, я бы подвинулся. Вот те крест!

– Х-хе... – мотанул головой грек, давя усмешку.

– Рувим? – осклабился Хаим, – Тожи вспомнил?

– Он самый. Так шо, так-таки и подвинулся бы? – подначил друга грек, приподняв недоверчиво бровь.

– Без восторга и с нытьём, но таки да, – уверенно кивнул старый контрабандист, – В историю я уже немножечко вошёл, и могу входить дальше как первый командующий морской пехотой Иудеи, а могу – в морские перевозки и накопление капитала всерьёз, а не как сейчас. Так што гонор боролся бы в mine с жадностью, и жадность имела бы все шансы!

– Хм... совсем не на кого оставить?

– А я о чём?! – Хаим развёл мосластыми руками, показав ненароком пропотелые подмышки старого френча, – В теории таки да, а на практике – одна сплошная политика выходит! Я таки понимаю за неё, но не до такой же степени, чтоб сливать уже имеющиеся достижения в угоде политической конъюнктуре!

– С доказательствами? – пожестчел лицом грек.

– А как же! – осклабился Хаим, похлопывая по папке, – Да не умствования старого mine, а доказательства за былое! Планы-то у них можит быть...

Он прервался, смачно харкнув в плевательницу.

– ... хорошие, да беда в том, шо хорошесть и толковость их будет тока в том случае, когда и если они получают всю полноту власти. Ты mine понимаешь?

– Ага... распахать локтями конкурентов, а потом уже устроить светлое, в своём понимании, будущее? Та-ак... Иудея, как слабое звено?

– Потенциально – да, – закивал Хаим, отмахиваясь от мухи, норовящей усесться на потное лицо, и подвигая папку ближе к гостю, – Только распахивание будет вплоть до убийств, чему я совсем не удивлюсь, а планы их на прекрасное будущее прервутся британским десантом! Держись пока на старом авторитете и одесских знакомствах. Но они, суки, тоже на авторитете, только што не нашем!

– Одесса-мама... – Коста прикусил губу, решительным жестом забирая папку, – ладно! Возьму на поглядеть, и если всё так...

– ... не обижайся! – выставил ладони грек, – Ты можешь банально ошибаться, с этим-то согласен?

– Да, – нехотя выдавил Хаим, сдуваясь на скрипнувшем стуле.

– Если, – выделил Коста голосом, – ты не ошибаешься, будем помогать. Есть идеи и идейки, как поднять твой личный авторитет. А всё-таки, неужели так плохо? С Одессы чуть не половина здесь, и шо, тебе перестали узнавать в лицо и по авторитету?

– Да... – перекосясь Хаим, как от лимона пополам с уксусом, – так-то посмотришь, вроде как вокруг свои да наши, а на деле всё сложнее! С Европы всё больше не вдовы да сиротки приезжают, а либо представители серьёзных людей

и общин, либо такая отморозь, шо хоть в почётные казаки принимай!

Выдохнув, он снова налил себе местного вина и подвинул греку бутылку.

– Так-то... – отпив чуть, продолжил иудей с усмешечкой, – наши-то, одесские, всё больше семейные, и как люди умные, чуть не в большинстве решили осесть в Дурбане. Так што... не в большинстве мы, совсем не. Если в мужчинах брать, то у европейцев перевес, и не самый слабый. Благо, у них единства нет, а так...

– ... в Семэна Васильевича два раза уже стреляли, понимаешь? Даром што шериф всея Иудеи!

– Вот так-так... – откинулся Коста на спинку стула, – и ты молчал? И Семэн?

– Как-то стыдно было, – Хаим не поднимал глаза, – вроде как не справляемся.

– Боевые отряды? – деловито уточнил грек.

– Ну... так, – пожал плечами иудей, – если как бойцы, то не очень, а если как террористы, то каждый второй.

– А т ж Бога душу... – заругался Коста зло, выплёвывая слова и чернея лицом, – дебилы, блять! Вы! И не смотри так! Подумать не могли, шо те же Ротшильды могут иметь в Иудее свой козырный интерес?! И Фима, поц на премьерстве, расхорош! Шо мы, не помогли бы по старой памяти?! А то тухес какой-то, ей Богу! Делали войну одни люди, а их потом в сторонку отодвигать? Хуй там!

– В общем, так... – могучая рука грека легла на папку, – будет ли помощь лично тебе, я пока не знаю! Не вскидывайся! А вот этих, гиен европейских, мы точно укоротим!

Переведя взгляд на стоящие в углу простецкие ходики с кукушкой, Коста осёкся.

– Заболтался... – он встал, подхватывая со стола фуражку и отбирая у Хаима обгрызенную галету, – пока искал, пока то-сё... Егорка в Кнессете выступать будет – пошли, а то опоздаем!

– ... неделю как прибыл Егор, – на ходу рассказывал Коста поспешая за старым другом по извилистым переходам, – ну сходу – дела, дела, дела... Говорит – разделается с самыми наипервейшими, и смоемся далеко и надолго, в сине-море-окиян! И ругается стихами! Из Парижу сбёг, потому как забодали, а здесь он в два раза забоданней.

В Кнессете, рассчитанном на сто двадцать человек, толпилось как минимум двести и ещё немножечко. Депутаты, члены правительства разных рангов, авторитетные политики, представители общин, раввины, наиболее уважаемые дельцы, военные и репортёры, и разумеется – случайный люд.

Вся эта уважаемая публика беседовала, местами галдела, а местами и вовсе – норовила перейти на личности, вплоть до хватания за грудки.

Впрочем, она и обстановка – ни разу не парламентская, а

так – сарайчик больших размеров. Сарайще.

Только что окна большие, через которые заглядывают любопытные, да ряды кресел и невысокая сцена с президиумом и трибуной. Отделка самая простая – штукатурка с синькой, да развешены невпопад фотографии с примерами героизма времён прошедшей войны, и портреты государственных деятелей Иудеи, чтоб не путался народ. Пахнет штукатуркой, пылью, потом, табаком и алкоголем, едой и больными зубами, одеколоном и ваксой.

– Привоз! – гыкнул Хаим, ввинчиваясь в толпу безо всяко стеснения и чувствуя себе так хорошо и по родному, как только может чувствовать одесский жид в родной стихии! На ходу он здоровался, хлопал по спине приятелей, огрызался на враждебные выкрики и уверенно шёл к своей цели – местам в первых рядах.

– Самый цимес, – довольно констатировал Хаим, пристравив костлявый зад на подлокотнике чужого кресла, – не только хорошо видно, но можно и подискутировать с выступающим, не надсаживая горло.

– Шо ви себе позволяете! – взвился придавленный задом, интеллигентного сложения человек.

– Ша! – Хаим даже не повернулся, – Я тут вообще-то имею право находиться, а вот за тебе ещё надо посмотреть! Твоей личности в списках што-то не припоминаю!

– Я...

– Головка от патефона, – равнодушно осадил соплемен-

ника Хаим, – а если вдруг шо, то окошко – вон оно, а лететь низенько!

– Ну хоть ви скажите вашему другу, – не унимался придавленный, неуклюже поправляя перекособочившиеся очки, – Ви же из Кантонов, да?

Он говорил как человек, родившийся и выросший в напроць жидовском местечке, с таким жутким акцентом, что Коста понимал его через раз, хотя казалось бы!

– Из Кантонов? – не унимался очкарик, – Так? У вас, говорят, нет таких безобразий, а...

– Есть, – вздохнул Коста, – вплоть до мордобоя...

Грек машинально потёр кулак, потому как причиной, следствием и главным героем последнего был он сам, и вышло немножечко неудобно, потому как не того...

... и не тех.

Придавленный замолк, а на сцену один за другим начали подниматься выступающие. Повестки самые разные – от международного положения, до вопросов иудаизма и починки изгороди, которую проломил люди шерифа в погоне за нехорошим кем-то.

Председательствующий спикер, перерывая шум, сломал два деревянных молотка и...

... это вызвало ещё одну повестку, о замене штатного плотника Кнессета, ибо ну халтура же! Плотник, сидевший в зале, не постеснялся встать и предложил заменить спикера, ибо болван!

Свои сторонники, к вящему удовольствию Косты, нашлись у каждого, и минут десять было потрачено на интересную и увлекательную ругань – с идиомами, гиперболами и аллюзиями.

Потом был короткий националистический спор, должны ли говорить Панкратов на идише или пусть его на русском? Предмет спора сидел на столе, и болтая ногой в побитом жизнью ботинке, по-дружески общался с президиумом, грызя какой-то сочный фрукт и нимало не беспокоясь обсуждением.

Националисту напомнили, что Егор, он же Шломо, может хоть на иврите не хуже ребе, а вот насчёт личной образованности его, националиста, ещё большой вопрос! Спор закрыл один из авторитетных раввинов, указав на наличие делегатов из Кантонов, и потому говорить присудили на русском.

Панкратов разродился цветистым приветствием на иврите и перешёл-таки на русский. Для начала он объявил о закладке университета в Кантонах...

... после чего перескочил на вопрос признания Иудеей светского брака, и ряда столь же специфических вопросов. Столь недвусмысленное послание игнорировать было нельзя, и...

– Процентная норма какая?! – послышался пронзительный фальцет, и на кресло вскочил с ногами прыщавый юнец, уставившийся на оратора, как на Мошиаха.

– Ноль! – отрезал Егор, – Учащийся берёт кредит непо-

средственно у университета, а каковы его религиозные убеждения и гендерная принадлежность, роли не играет!

... Иудея сделала решительный шаг на пути становления светским государством.

* * *

– Вопрос кафров... – начал докладчик, и в зале разом поднялся шум. Спикер застучал молотком, призывая Фольксраад Русских Кантонов к тишине. Сломал молоток, он застучал по столешнице ладонью, которая, судя по звуку, твёрже иной древесиной!

– Надоели уже! – с места заорал одиозный Марков, вскакивая в кресло памятником самому себе, – Национальная партия давно предлагает ввести департамент Туземных дел, и свалить всё текучку с кафрами на него! Сколько можно? Только и слышно, что о жалобах шона на матабеле, да о необходимости компенсировать тсвана отобранные угоды! Это не тот масштаб, штобы тащить на обсуждение Фольксраада, заминая действительно важные вопросы!

– Тратим время чорт знает на што! – поддержал Маркова один из соратников, и Фольксраад зашумел.

– Я понимаю желание националистов замять тему туземцев, – вскинулся докладчик, непримиримо сверкая очками и собирая губы в жопку, своеобразно выглядящую над узкой козлиной бородкой, – но мы, партия "Социалистической

Африки", считаем...

– Да похуй, што вы там считаете! – эпилептиком задёргался на кресле Марков, – два процента...

– Тишина! – вовсе уж в голос заорал спикер, багровея лицом и вставая с места о весь свой немалый рост, – Гражданин Марков, ещё один выкрик такого рода, а тем паче с места, и я вынужден буду вспомнить о регламенте и вывести вас из зала! Если мы будем ограничивать права своих политических оппонентов, в том числе и на свободу слова, то чем мы лучше, блять, Николашки?!

– Гражданин Калинин, – уже спокойней сказал спикер, усаживаясь в кресло, – честно выиграл выборы в Фольксрад, и имеет те же права, што и вы, гражданин Марков, это вам ясно?

– Ясно, – пробурчал глава "Национальной партии Русских Кантонов", садясь в кресло с видом Наполеона, ещё только начавшего свой путь в Консулы.

– К сведению гражданина Маркова, – ехидно сказал Михаил Иванович, – наша партия представляет отнюдь не два процента, а несколько более количество избирателей.

– Цветных! – выкрикнул Марков, багровея лицом.

– Избирателей, – поправил его Калинин, улыбаясь ехидно, – полноценных граждан Русских Кантонов, имеющих право голоса. А если гражданин Марков не уймётся со своими выкриками, то я напоминаю ему, что стреляю я лучше него, а право на дуэль в нашей стране внесено в Конститу-

цию!

– Тишина! Тишина! – заорал спикер, – Гражданин Марков, гражданин Калинин! Хватит! Михаил Иванович, хватит отстреливать оппонентов, выступайте уже наконец!

– Благодарю, – церемонно поклонился Калинин, – Вопрос касается кафров, но на сей раз это не текучка, как выразился гражданин Марков, а проблема, и очень серьёзная!

– Кооперативное движение, зачинателями которого были Егор Кузьмич и Феликс Эдмундович... – он церемонно поклонился в сторону главнокомандующего армией Кантонов, сидящего в президиуме, – в целом дало положительный эффект, и прежде всего в экономике. Множество мелких собственников, объединённых в мощные, но вместе с тем гибкие структуры, разом двинули важнейшие экономические показатели страны вверх. Эффект социальный оценивать пока рано, но и здесь прогнозы благоприятны.

– Вместе с тем... – Калинин остановился, отпив воды из стакана, – появился ряд непредвиденных сложностей, связанных с кафрами. Так, уставы кооперативов, отличаясь порой довольно-таки значительно, фундаментально сходятся, в частности – в требовании платить работникам определённый процент с дохода хозяйства.

– Ха! – выкрикнул с места один из "националов", и наклонившись к лидеру партии, зашептал ему что-то на ухо. Марков, слушая его, расплывался в широкой улыбке, полной самого искреннего, незамутнённого злорадства.

– Сейчас, пока плантации расчищаются и требуют много черногого, неквалифицированного труда, – Калинин неприязненно оглядел блок "Националов", – эта проблема не видна, поскольку доходов, собственно, и нет. Кафры нанимаются на работы целыми племенами, получая взамен социально гарантированный минимум.

– Та-ак... – заинтересованно протянул спикер, переглядываясь с президиумом и наваливаясь на стол, – продолжайте.

– Благодарю, – чуть поклонился Михаил Иванович, вкладывая в поклон изрядную долю язвительности, – Механизация плантаций идёт опережающими темпами, не в последнюю очередь благодаря ценным ископаемым на участках кооператоров, а также взаимопомощи, прописанной в уставе кооперативов. Ещё год-два, и значительная часть хозяйств перестанет нуждаться в массовой неквалифицированной рабочей силе.

– Таким образом, – повысил голос Михаил Иванович, перекрикивая поднявшийся шум, – механизация вытесняет неквалифицированную рабочую силу, а вместе с ней и кафров!

– Проблемы кафров русских не ебут! – выкрикнул с места Марков и захохотал гиеной. На некоторое время выступление прервалось в силу естественных причин, но потихонечку спикер навёл порядок, и глава "Социалистической Африки" продолжил выступление.

– ... таким образом, чернокожие вытесняются из эконо-

мики Кантонов естественным путём.

– Заметьте, вы сами это сказали! – перебил Калинина один из соратников Маркова, – Не мы! Естественным путём!

– Да, естественным! – согласился Калинин и сердито сверкнул очками, – Но радоваться вам, граждане националисты, рано! Кафры вытесняются естественным путём, но сама ситуация выходит противоестественной! Я знаю вашу позицию "Африка для белых" и в корне с ней не согласен!

– Да, не согласен! – повторил выступающий, – И не только в силу социалистических убеждений, но и здравого смысла! Здесь и сейчас складывается парадоксальная ситуация, когда чернокожие и отчасти цветные вытесняются из экономической жизни Кантонов, и вместе с тем они не могут быть вытеснены из страны! Да, не могут! В том числе и соображений экономического характера!

– Я так понимаю, – с места сказал Дзержинский, – Михаил Иванович имеет в виду, что неквалифицированный, черновой труд ещё долгие годы, и то и десятилетия, не исчезнет в небытие?

– Совершенно верно, Феликс Эдмундович, – кивнул Калинин, – таким образом, чернокожие выпадают из поля действия нашего законодательства! А это, граждане, опасная тенденция!

– Поясните подробнее, Михаил Иванович, – попросил спикер, – суть, я полагаю, все уловили, но уточнить не помешает.

– Суть в том, что чернокожие нужны нашей экономике, и ещё долго будут нужны. Однако платить им процент с доходов кооператива, установленный законодательно... – Калинин сверкнул очками в сторону Дзержинского, – кооператорам часто не выгодно, да и попросту невозможно! В том числе и потому, что "Закон о кооперативах" регулирует не только процентное отчисление в фонд заработной платы, но и количество этих самых работников.

– Вы предлагаете снизить процент заработной платы в пользу владельцев хозяйства?! – выкрикнули из зала, – Или повысить лимит на найм работников?!

– Нет! – моментально отреагировал Калинин, – Это бессмысленный поступок, потому что при прочих равных фермеры всё равно выберут белого, как более грамотного и соответственно – квалифицированного!

– Ну не скажите, – живо возразил спикер, – грамотного, хм... грамотных и у нас не хватает! Ликбез работает, но с большим скрипом!

– И всё же! – не дрогнув, возразил Михаил Иванович, – Даже если брать самого тёмного и неграмотного русского крестьянина, то перед кафром у него есть неоспоримое преимущество – знание русского языка!

– Раса! – выкрикнул Марков, и в зале одобрительно зашумели его сторонники, – Землячество, если хотите!

– Аргумент, – не стал спорить Калинин, протирая очки, – При прочих равных преимущество получает родственник

или земляк. Повторюсь – в этой ситуации кафры выпадают из юридического поля если не де-юре, то как минимум де-факто!

– Так давайте оформим это законодательно! – предложил один из...

... центристов?! Предложение бурно поддержали националисты, да и среди социалистов правого толка нашлось немало сочувствующих.

– Нет! – резко отреагировал Калинин, – Сразу скажу, что "Нет" в данном случае не только с точки зрения социалиста-интернационалиста, но с точки зрения экономиста! Мы с товарищами по партии взяли просчитать последствия, и ваше предложение означает неминуемые, и очень серьёзные экономические проблемы в будущем...

– Не верю!

– ... не говоря о последствиях социальных, – не дрогнув, закончил Михаил Иванович.

– Повышение лимита работников также палка о двух концах, – прогудел спикер, – Повышая лимит на рабочие руки, мы даём в руки недобросовестным кооператорам оружие против работников в части урезания заработной платы и социальных условий.

– С русскими проблем нет! – встал Марков, – И если убрать из этого уравнения кафрскую переменную, то проблема предстаёт вполне решаемой! Я вижу несколько вариантов решения проблемы, к примеру – контрактную систему при

работе с чернокожими! Контракт на несколько месяцев или недель, после чего кафры будут выдворены в пределы своих бантустанов, нагруженные купленными у нас товарами.

– Нет, нет и ещё раз нет! – резко возразил Калинин, – Вторую – помимо того, что такое предложение неприемлемо для меня, как для социалиста, оно несёт ряд проблем экономического характера! Мы готовы поделиться своими выкладками с коллегами по Фольксрааду, и может быть, вместе найдём выход из создавшегося положения!

– Хорошо, – встал Иванов Второй, один из лидеров правых центристов, – мы готовы к работе, но пока вы можете сказать вкратце, как ваша партия видит решение проблемы?

– Для начала... – Михаил Иванович снял очки и протёр их платочком, пережидая гул, поднявшийся после вопроса Иванова, – для начала мы предлагаем усилить социальные программы среди чернокожих, и прежде всего образовательные и медицинские. Детская смертность у них просто ужасающая...

– За чей счёт? – перебили его из зала.

– Мы полагаем, что некоторым образом можно оказать её в кредит, – живо ответил Калинин. Поднялся шум, и выступающего начали форменным образом освистывать.

– ... два-три десятилетия... – пытался перекрикивать зал Михаил Иванович, – и мы не узнаем Африку! Экономика и культура...

– Культура?! – перебил его Иванов Первый, признанный

лидер социал-дарвинистов, – Да некоторые племена в каменном ещё веке живут, а вы хотите их за тридцать лет вытащить в век железа и пара?! Для эволюции культурной нужны если не тысячелетия, то как минимум – века!

– Бастеры и гриква успешно... – вскочил один из соратников Калинина.

– Успешно! – перебил его Иванов Первый, – Успешно переняли культуру белых! Это никак не эволюция, а скорее микрия! Капля в море, если сравнивать с аморфной массой кафров, коллективное бессознательное которых пребывает даже не в каменном веке, а пожалуй, на уровне инфузорий!

– Надорвёмся! – поддержал его Марков.

– В настоящее время чернокожие не могут конкурировать с европейцами в естественных условиях, – проговорил Калинин, упрямо наклонив голову.

– Заметьте, это сказали вы! – выкрикнул Марков.

– А я поддерживаю Михаила Ивановича, – пошептавшись с лидером партии, встал Давид Абидор, заместитель "Фабианской"¹² партии". Калинин приподнял было удивлённо брови при виде столь неожиданной поддержки, но почти тут же его удивление было развеяно.

– Мы поддерживаем, – встал Илья Решетников, возглав-

¹² Фабианский социализм – реакционное буржуазное течение в Англии, созданное для борьбы с научным социализмом. Фабианский социализм оформился в 1884 г. под названием «Фабианское общество», представители которого проповедовали возможность постепенного мирного вращивания капитализма в социализм на основе «сотрудничества» буржуазии с пролетариатом.

ляющий фабианцев, и заложив большие пальцы за отворот пиджака, оглядел зал, – Постепенное, поступательное вовлечение кафров в орбиту европейской цивилизации снизит социальное напряжение и позволит консолидировать лучших из них в Русский Мир!

– Кафрский вопрос нужно решать немедленно, а не откладывать его на десятилетия, как по сути предлагаете вы! – неприемлемо рубанул Михаил Иванович.

– Для начала, – негромко сказал Дзержинский, и все замолкли, – предлагаю создать комиссию, которая рассмотрит вопрос в кратчайшие сроки, не затягивая. Нужно хотя бы вчерне понимать, о чём идёт речь, и куда нам двигаться дальше.

– Кто за? – спросил спикер, – Принято!

Восьмая глава

– Улыбаемся... – с натугой пытит Владимир Алексеевич, подпирая плечом длинную вагу¹³ и пытаясь подпихнуть её поглубже под тяжёлый валун. Санька понизу, подбивает опорное брёвнышко кувалдой, стараясь никого не зацепить и самому не поскользнуться на глинистой грязи, оставшейся после недавнего дождя.

– ...и машем, – сиплю я, вцепившись в свою жердину, и нависаю на ней всем своим невеликим весом. Строители, ведомые лучшими побуждениями и гигантоманией, подготовили нам Царь-валун многотонный. Перестарались... ффу... мать их еги!

– Давай... х-ха! – Коста вбивает вагу чуть поглубже в глину, и валун самую чуточку качнулся на краю котлована.

... вспышки...

... фотографируют нас, кажется, буквально все, у кого есть фотоаппарат, пусть даже и дрянненький. Съехались репортёры со всего Южно-Африканского Союза, любопытствующие и Бог весть, кто ещё.

Университет! Сотни вспышек, десятки художников с этюдниками и без. Событие!

– И р-раз... – командует Феликс, пружиня ногами и под-

¹³ Вага – длинный шест, рычаг для поднятия тяжестей.

пирая плечом длинную жердину.

– Навались, православные! – весело командует дядя Фирма, подавая пример. Православные, давя смешки и щедро отсыпая ответные реплики, наваливаются...

... и валун, качнувшись, гулко падает на дно котлована. А следом, не удержавшись на стёсанном краю, я оскальзываюсь, и...

... извернувшись каким-то чудом, выхваченный вовремя руками дяди Гиляя, памятником самому себе седлаю краеугольный камень.

Вот эта фотография, со мной-памятником и смеющимися друзьями, и обошла все газеты. Удачные кадры.

Но это потом, а сейчас...

... Фира разбивает бутылку шампанского о валун, и закладка университета официально состоялась.

Вспышки, вспышки... ловлю себя на дурной ревности, но уж больна она хороша! Уезжал – девчоночка ещё, а приехал – барышня! Не взрослая ещё, далеко не... но уже сейчас вижу, что совсем не хуже Клео де Мерод¹⁴! Лучше, чорт побери!

– ... господа, господа... не толкайтесь! Месье Мартен... пропустите человека!

К чести собравшихся, нет ссор и попыток как-то протолкнуться вперёд, "бремя белого человека" в Африке воспри-

¹⁴ Клео де Мерод – французская танцовщица, на рубеже веков признанная самой прекрасной женщиной Франции. Её можно назвать одной из первых профессиональных фотомоделей, и фотографии её были буквально повсюду – вплоть до почтовых марок и открытках.

нимается совершенно иначе. География этих мест странным образом влияет на мозжечок, подкорку или иные части европейского мозга. Стоит распоследнему труппобному оборванцу ступить на красноватую землю Африки, как начинается преобразование в гордого кабальеро времён Конкисты.

Многоголосица на десятке языков, включая английский и идиш, создаются сотни групповых фотографий перед краугольным камнем первого в Африке университета¹⁵. Все, мало-мальски причастные и вовсе не причастные, но...

... если Луис Бота хочет попасть на первые полосы вместе с нами, то глупо отказывать президенту ЮАС в этом невинном желании. Все всё понимают, но формально вот так вот. Улыбаемся и машем!

Отношения между кантонами и собственно бурскими республиками непростые. Сразу после войны всколыхнулся африканерский национализм, желание обособиться и заморочки людей, привыкших считать всю Африку – своей.

Чем дальше, тем больше среди африканеров разговоров о "глухом нейтралитете" в случае войны. Глупо... или всё же нет? Какие там подводные течения в Большой Политике, Бог весть.

... но об этом потом. А сейчас, прервав неуместные размышления, выдёргиваю из толпы Самуила и Товию для

¹⁵ Первым университетом в Африке принято считать исламское учебное заведение в Тимбукту (Мали), но я напоминаю – в книге НЕ политкорректное время, и достижения НЕ европейских цивилизаций принижаются или "не замечаются", притом чаще всего искренне.

группового фото. Потом земляков...

... какие ни есть, а родня. Мне – несложно постоять несколько лишних минуток, а им – не просто память, а козырный документ, который в некоторых случаях весомей иные удостоверений.

– Лыбисся, как дурак, – пхается Санька локтём.

– Ну... – только плечами пожимаю, – и чорт с ним!

Хоть как, хоть не как... а лёгко на душеньке так, что и словами не передать! Сильно ещё не всё, чего в жизни хотел достигнуть, но вот...

... стоит краеугольный камень. Есть строительная документация, деньги... всё есть!

"– Панкратовский университет" – шепчу одними губами. Почему-то немножечко неловко... а с другой стороны, а как иначе-то?! Стэнфорд, Гарвард... Третьяковская галерея, наконец! Чем я хуже-то?!

Поначалу хотел назвать "Георгиевским" – вроде как не напрямую, а в честь святого. Дядя Гиляй с Феликсом переубедили. Дескать, мощный политический жест с посылом всем слоям населения.

И если честно...

... я не слишком сопротивлялся. Чем я хуже...

– Иди, – подтолкнул меня Владимир Алексеевич, – пора говорить речь!

Забежав на невысокую трибуну, некоторое время молчал, глядя на волнующееся людское море. Сколько их... тысячи? Десятки тысяч? Не знаю уж, как меня услышат те, кто с краю стоит...

Наконец поднял руку, прося тишины. Не сразу, но волнение смолкло и тысячи людей устремили свои взоры на меня. Вдох...

– Свободные люди на свободной земле! К вам обращаюсь я, друзья мои! Всё мы знаем цену свободе, потому что взяли её – в бою! Отстояв свободу здесь и сейчас, мы готовы драться и дальше, защищая свои дома, свою землю и отныне и навсегда – свою страну!

Короткая пауза...

– Здесь и сейчас мы строим наш общий дом – на века. Строим, не отставляя далеко оружие, и если понадобится, пойдём защищать наши дома, нашу страну – от любого врага, кто бы он ни был!

– Я знаю! – обвожу глазами толпу так, что каждому почти кажется, что смотрю я – лично на него. В упор. Глаза в глаза, – Каждый из нас выполнит свой долг, и если надо – до самого конца, даже ценой собственной жизни. Потому что за спиной – дети и жёны! Это и есть Родина!

Снова пауза, дабы прониклись и осознали.

– Вы, ваши родные и друзья, ваши дома, и отныне и навсегда – земля. Ваша! Земля и воля – за это можно воевать, и если понадобится, то и со всем миром!

Пережидаю гул толпы, и снова поднимаю руку, требуя тишины.

– Я полностью уверен в вашем мужестве и готовности умереть за свободу! Но я хочу, что вы... все вы – жили! Если все выполнят свой долг¹⁶, если ничто не будет забыто, и если будут приняты наилучшие меры, как это делается сейчас, вам не придётся умирать!

– Выполняя свою долг до конца и делая всё для защиты нашего дома, мы переживём любые бури! Я знаю, что вы умеете работать до кровавых мозолей и сорванных спин! А сейчас я прошу... нет, требую! Тrequю от вас, чтобы вы с таким же усердием – учились!

Толпа загудела, начались было обсуждения...

... и снова рука требовательно взлетает вверх, призывая к молчанию.

– Учиться, учиться и ещё раз учиться¹⁷! Учиться надлежащим образом – военному делу и грамоте, наукам и языкам! И не лениться, пребывая в праздности и чванстве!

– И... – делаю несколько шагов вперёд и чуть наклоняюсь, создавая более доверительную атмосферу, – я прошу вас отнестись к учёбе, как к военной операции. Забудьте слово "Я!", отныне и навсегда есть "Мы"!

¹⁶ В этом абзаце отрерайченнная речь Черчилля в начале ВМВ.

¹⁷ Фраза написана Лениным в работе "Попытное направление русской социал-демократии" в 1899 году. После написания она нигде так и не была опубликована, увидела свет только после смерти лидера большевиков, в 1924 году, в № 8–9 журнала "Пролетарская революция".

– Ваши личные успехи – ничто! Если сосед, состоящий в одном коммандо с вами, не умеет стрелять, если не умеет читать карту и перевязать раненого товарища – погибнет не только он, но и вы! Всё коммандо!

Выдох... такие аналогии понятны большинству собравшихся.

– Один в поле не воин, вы знаете это! Вместе мы преодолеем любые невзгоды, как уже преодолели войну! Так неужели не одолеем неграмотность?! Мы, сумевшие отбиться от Британской Империи?!

И тут же, не давая возможности задуматься...

– Хотим ли мы, что наше обретенное отечество потеряло свою независимость¹⁸? Нет! Но если мы действительно не хотим этого, то необходимо в кратчайший срок ликвидировать его отсталость! Мы отстали от передовых стран на пятьдесят-сто лет, и нужно пробежать это расстояние за несколько лет! Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

– Сегодня вы вырубаете заросли на плантациях, строите железные дороги и заводы, а уже завтра должны быть готовы сесть на механическую жатку, занять место машиниста и встать у станка! Либо гибель нашего государства, либо догнать передовые страны и перегнать их экономически¹⁹!

– Учиться, учиться и ещё раз учиться! – повторяю я, – Учиться надлежащим образом, овладевая новыми знаниями

¹⁸ Отрерайченнная речь Сталина 4 февраля 1931 г.

¹⁹ В. И. Ленин «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» 1917 г.

на пользу себе и Родине!

С трибуны я сошёл на подгибающихся ногах, отчаянно надеясь, что никто не видит моего состояния.

– Экий ты бледненький, чуть не с прозеленью, – озабоченно сказал дядя Фима, закопавшись в кармане, – куда я его...

– На! – Товия пхнул мне под нос уже открытую фляжку, – хлебни!

– С ума сошёл!?! – возмутился Бляйшман, обжигая его взглядом, – Ещё вырвет на нервах!

– А...

– Б... – передразнил дядя Фима, сунув мне кусок коры, – пожуй-ка! Йохимбе, хорошая штука!

Морщась от неприятного вкуса, старательно изображаю козла, слушая выступающих. Наши, африканеры, жида, французы и Бог весть, кто ещё.

По-русски говорят, на африкаанс... благо, его с пятого на десятое все понимают. Франки и германцы с переводчиками, и порой смешно выходит...

" – Хорошая кора, надо будет у дяди Фимы поинтересоваться, да глядишь, в партнёрство войти!"

... особенно когда сперва с надрывом толкает речь оратор, рубя воздух жестами, а вслед за ним, а то и перебивая – переводчик. Кажется, что они друг с дружкой на трибуне дебаты затеяли... х-хе!

– Силён! – подошедший дядя Гиляй, пряча фляжку во

внутренний карман, хлопнул меня по плечу, обдав запахом арманьяка, – А я тут, до речи ещё твоей, в толпе прошёлся... вы знали, што в Кантонах просто Новгородов и с разными приставками почти два десятка?

– Эко... – удивился я, сплёвывая вязкую горьковатую слюну на вытопанную до корней траву, – так-то слышал, што не один, но штоб столько?

– Антон Палыч, Антон Палыч! – извинившись перед дядей Гиляем одними глазами, пробиваюсь через редкую толпу к именитому писателю. Интересности от Владимира Алексеевича я и потом успею – благо, живём все по соседству. А вот Чехова ловить нужно, а то опять в вельд сорвётся!

Одни только рассказы да повести в газетах появляются, а это хоть и...

... интересно, но не хватает живого общения с человеком, да и планы на него – ого-го!

– Егор Кузьмич, – он пожал мне руку и снова переложил тросточку в правую.

– Ну мы договаривались, Антон Палыч... – мне становится неудобно, – просто Егор!

– Э, нет! – Чехов весел, бодр, слегка нетрезв, бронзов от загара и жизни в саванне, – Только не сегодня! Сегодня ты Егор Кузьмич, и никак иначе!

– А знаешь... – сменил он тему разговора, – помог ведь твой совет! Отживел, как в народе говорят!

– Ой, как здорово! – искрюсь радостью и улыбкой, – Слу-

ушай... Антон Палыч, а у меня ведь на тебя большие планы!

– Университет? – он тросточкой приподнял шляпу и изогнул весело бровь, не обидно посмеиваясь над моим щенячьим энтузиазмом.

– Как ты... а, ну да! Хм... кафедра русской литературы, а?! И всё... – выделяю голосом, – вот прямо всё по своему разумению устроить можешь!

– Хм... – Чехов задумчиво качнулся на носках, и констатировал не без нотки сожаления в голосе, – не выйдет. Образование у меня не профильное...

– Это как раз ерунда! – хватаю его за руку, готовый уговорить, ибо Чехов... ну Чехов же! Если не он, то кто?!

– ... да и сыровато в Кантонах для меня. Боюсь, как бы ухудшение не началась.

– А... ну да, тогда лучше не надо! – сникаю я, и тут же нахожу плюсы, – Ну и так хорошо! Жив, относительно здоров... это ж сколько ещё написать успеешь!

– И это тоже... – Чехов выцепил глазами очаровательную женщину лет тридцати, продефилировавшую в нескольких метрах от нас, и...

... глазками в Антон Палыча, как из корабельных орудий главного калибра!

– Да иди уже, – смеюсь, – и это тоже, да! Успеешь! Теперь – всё успеешь!

Хмыкнув, отсалютовал мысленно Чехову, и порадовался, что сценическая оратория уже закончилась, и не нужно сно-

ва подниматься, представляя очередного оратора. И...

... забавно, но только сейчас обратил внимание, что не было никаких пригласительных и фэйс-контроля, а сегрегация – вот она!

Те, которые "право имеют", на пяточке вокруг сцены, прочие – в отдалении. Само так получилось, вот ей-ей! Нет никакого разделения на "чистую" и "нечистую" публику, а поди ж ты... безо всяких городских поделелились.

– Егор Кузьмич! Егор Кузьмич! – окликнул меня кто-то запыхавшийся.

– Александр Никитич! Вальцуев, верно? – жму руку студенту.

– Вы... помните? – вид ошарашенный и взъерошенный, как у не ко времени разбуженного филина. Луп-луп глазами... и голову набок, давно не стриженную.

– До старческой деменции далеко, – искренне удивляюсь вопросу.

– А... ну да, – он справляется с волнением, – мы с товарищами...

Судорожное движение подбородком куда-то в сторону, не отпуская моей руки.

– ... попали под каток репрессивного аппарата, и... вот, волчий билет, и...

– Ага, ага... и много вас? – оглядывая подтянувшихся товарищей, изрядно потрёпанных и выглядящих неважнецки.

– Пятеро, – он зачем-то оглядывается на друзей, отпуская наконец мою руку, – а вообще двадцать два человека бывших студентов прибыло.

– Только, – смущается Александр Никитич, – не могу ругаться за всех. Полагаю, не все наши товарищи готовы... хм, вновь стать студентами.

– Не страшно, – смахиваю его смущение улыбкой, – нам образованные люди край как нужны! А учиться можно будет и без отрыва от работы! Вам есть где остановиться?

Остановиться было негде, равно как и не на что...

– Не страшно! Остановитесь у меня...

– Право слово, Егор Кузьмич... – начал было Вальцуев.

– Не стесните, – перебил я, – и да – вполне удобно! Пустующих комнат у меня полно, еда здесь дешёва необыкновенно, так што в тягость не будете! Заодно и расскажете новости московские.

– Вы, кажется, по части естественных наук, – перескакиваю с темы, сбивая неуместное смущение, – так?

– Биолог... то есть, будущий биолог! – спохватывается Александр Никитич, поправляя пенсне.

– Замечательно! А ваши товарищи? Ах, почвовед... чудесно, чудесно! И химик?

Всячески обнадёжив и обласкав их, отправил к столам подкрепиться, сам же решил найти к Житкова с Корнейчуковым, похвастаться новым приобретением. Волчий билет...

– ... ха! Идиоты! Биолог, почвовед, химик... золотой

фонд, а им – билет!

– Как ещё не сели, – хмуро добавил Борис, кивая в такт моим словам, и...

...тяжёлая винтовочная пуля, войдя в лоб, разбрызгала затылок Житкова, ставшего передо мной, и на моё лицо брызнуло тёплым.

Девятая глава

– Нашли стрелка, но... – Котяра безнадежно машет рукой, искажая лицо в болезненной гримасе, – стрелять в Африке умеют. Сорок пуль при задержании, это...

– ... опознавать нечего, – доканчиваю за него, потухнув душой. Сидим молча, слышно даже жужжание мух в душном номере отеля, да перекличка чернокожей прислуги на улице.

На неудобном комковатом диване затекла нога, но...

... у меня странное состояние безразличия к удобствам, и какое-то болезненное стремление наказать себя за смерть Житкова.

– Совсем ничего? – интересуюсь на всякий случай, у Котяры, сидящего в кресле марионеткой с обрезанными нитками. Кукла человеческая... Не знаю, что уж там он испытывает, но с Борисом они дружили, и крепко.

– Восемь или девять пуль в голову, – мертвенным голосом ответил бывший хитрованец, глядя куда-то в угол незряче.

– Н-да... Африка во всей её красе, – мрачно констатирую я, и вновь хочется закурить – чтоб горло продрало, закружилась голова, и губы обожгло горьким никотиновым привкусом, – Оказывается, вооружённые граждане, готовые прийти на помощь, не всегда к месту.

– Сделаем всё... – начинает Иван, шевельнувшись.

– Не винись! – прерываю его, и встав, подхожу к окну, рас-

пахивая его на всю ширь. Сквозняк, ленивый как местные слуги, проникнув в комнату, лизнул меня в щёку и влажно пошевелил шторы, но не принёс облегчения.

– Нет тут твоей вины, – повторяю ещё раз, глядя в окно на тошнотворно-обыденную сценку колки дров для кухни, где мускулистый молодец не столько колол дрова, сколько играл мышцами обнажённого мускулистого торса перед жопастой молоденькой кухаркой в цветастом платке на курчавой голове, – Когда там тебя выбрали шерифом округа? Две недели? Ах три... Вот месяцев через шесть начнётся спрос не только за набеги чернокожих, но и за такие вот... а пока не винись.

Котяра несогласно дёргает шеей, но молчит. Он из породы самоедов, считающих себя в ответе за всё, что хоть краем их касается. Потому, собственно, и выбрали шерифом...

... ну и за уголовное прошлое, не без этого. Чудны дела Твои... но своя сермяжная Правда в этом есть. Котяра хитрованец, ан репутация у него человека честного, насколько это вообще возможно в таких скотских условиях.

Если уж на Хитровке не запачкался в человеческой подлости, то стало быть – порядочный до мозга костей. А что кухню уголовную изнутри знает, так это скорее в плюс! Видок²⁰ российского разлива практически...

– Улики хоть собрали?

– Угум, – кивает Иван, немножечко оживая, – Владимир

²⁰ Видок – исторический персонаж из первой половины XIX столетия, беглый каторжник, ставший известным парижским сыщиком и легендой при жизни.

Алексеевич и этот врач, как его там... Каммелькранц.

– А... ну вдвоём ничего не упустят! – говорю скорее для Котяры, с его совершенно безбрежной верой в способности Владимира Алексеевича, – Есть какие-то улики? Предварительные данные?

– Улики... – Иван начал оживать, зашевелившись в кресле, – улик полно, а вот с данными погодим. Пазл этот пока не начали собирать, так што не буду строить предположений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.